

Анна
ВАРШЕВСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Занюза **ДЛЯ**
ХИРУРГА

Анна Варшевская

Заноза для хирурга

<https://litres.ru/74207872>

Аннотация

Я так ждала встречи с новым главой отделения. А он... – Вы никогда не станете хорошим хирургом, – его губы кривятся, голос холоден. Сжимаю кулаки. – Эти ваши женские заморочки, – он небрежно жестикулирует, – здесь не пройдут! Хирургу нужны железные нервы и крепкая рука! – Как вы смеете?! – сорвавшись, подсакиваю ближе, шиплю ему прямо в лицо. Мы оказываемся непозволительно близко. Дышим одним и тем же воздухом. В его глазах вдруг что-то вспыхивает – зрачок расширяется, я вижу своё отражение, и в ту же секунду мужчина резко отшатывается назад. – Я всё сказал! Ну уж нет! Я докажу этому высокомерному хлыщу, что способна на многое, и заставлю его пожалеть о своих словах!

врач с отвратительным характером, требующий перевоспитания # адекватная героиня с сильным характером # счастливый финал

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	63
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Глава 1

– Где она?! – на весь больничный коридор раздаётся низкий рык.

Она – это я. Анна Николаевна Кольцова, молодой врач хирургической специальности. Непозволительно молодой для должности старшего ординатора, как не устаёт напоминать мне новый глава хирургического отделения.

Я вздыхаю, кладу ручку и встаю, отодвинув от себя очередную историю болезни, которую только что заполняла. Кидаю быстрый взгляд в маленькое зеркало, висящее над раковиной в ординаторской. Шапочка на месте, волосы убраны в тугой пучок, ни грамма косметики на лице. Смотрю вниз – халат застёгнут на все пуговицы, под ним хирургическая пижама, на ногах белая моющаяся обувь. Вроде всё в порядке.

– Почему я должен её искать?! – голос ближе, значит, сейчас зайдёт.

Открыть дверь сама не успеваю, она распахивается – по ощущениям, от пинка.

– Где вы шляетесь?! – рычит на меня высокий темноволосый мужчина.

Я знаю, что вопрос риторический, а оправдания бесполезны, поэтому молчу – сам сейчас скажет, что ему надо. И точно:

– Быстро мыться! Плановая через полчаса! Первым ассистентом!

Разворачивается и вылетает из ординаторской.

Всё как всегда.

* * *

– Аннушка Николаевна, ну вы представляете?! – молоденькая медсестра Вера чуть не подпрыгивает от нетерпения, идя за мной по коридору.

– Нет, Вера, не представляю. Перевязка Кунгуровой выполнена?

– Ага! – Вера никак не может сосредоточиться на работе, на лице загадочная улыбка. – К нам сам, – произносит с придыханием, – Добрынин придёт главным хирургом!

– Да, я знаю, – говорю спокойно. – Послеоперационная обработка шва Смирнову из пятой палаты?

– Сделала я, сделала! – Верочка понижает голос. – Девочки говорят, что он просто невероятный!

– Вера, – остановившись, вздыхаю, потеряв виски пальцами – к концу суточной смены разболелась голова, – я согласна, об этом хирурге говорят, что он крепкий профессионал, можно сказать, гений в своей области, но мы можем сосредоточиться...

– Да при чём здесь это! – Вера нетерпеливо машет рукой.

– Он знаете, какой красавчик!

– О, господи, Верочка, – я смотрю на девушку снисходительно, – ну это-то какое имеет значение?

– Для вас, конечно, никакого, Аннушка Николаевна, – Вера смотрит на меня оценивающе, но, спохватившись, округляет ротик, – ой, я не то хотела сказать!

Я вздыхаю. Что ж, согласна, для меня, пожалуй, действительно никакого. Все в нашем отделении знают, что на первом месте у меня работа, а мужчины мне интересны, только если в качестве пациентов лежат в закреплённых за мной палатах.

– Ну вот, – Вера, убедившись, что я не сержусь, продолжает: – мне знакомая девочка из областной хирургии шепнула, что у Никиты Сергеевича какой-то там спортивный наряд...

– Разряд, а не наряд, – поправляю рассеянно. – А его что, Никитой Сергеевичем зовут? Инициалы-то я помнила, но не была уверена... Ну надо же, генсек какой у нас тут будет.

– Генсек? – удивляется Вера.

– Генеральный секретарь, у Хрущёва такое же имя было, – открываю дверь в ординаторскую, и медсестра заходит следом за мной.

– Он что, был секретарём у главврача? – девушка хмурит лоб. – Что-то я такого не припомню...

Я смотрю на неё внимательно и уже было открываю рот, но тут же машу рукой.

– Не обращай внимания. Вер, ты журнал перевязок запол-

нила?

Вера тут же надувает губы.

– Сделай, пожалуйста, пока я истории болезни проверю.

Моё суточное дежурство закончилось три часа назад, но дел невпроворот. Ещё и потому, кстати, что хирургическое отделение действительно гудит, как потревоженный улей – и всё из-за приходящего к нам нового хирурга. Я, честно говоря, немного лукавила, когда говорила с Верой. Я жду Добрынина ничуть не меньше, чем все остальные – вот только причина у меня своя.

С детства моей мечтой было стать врачом! Причём не терапевтом или педиатром в поликлинике, а обязательно хирургом. Я многим пожертвовала ради этого. Своими отношениями с матерью, которая настойчиво звала меня пожить с ней за границей, встречами с парнями, развлечениями... Хорошо хоть, подруги детства у меня оказались верные!

А теперь мне выдастся шанс поработать с потрясающим специалистом! Да я в него уже заочно влюблена – как в профессионала, естественно. Даже будь он маленький, круглый и с кривыми ногами, мне абсолютно неважно. Имя Добрынина в торакальной и кардиохирургии – это что-то невероятное! И он приходит работать в наше отделение!

Поэтому я и хочу, чтобы всё у нас работало как часы, все бумаги были заполнены и не было никаких заметных косяков. Без них, конечно, не обойтись, но, надеюсь, он оценит нашу работу. Мою работу! Потому что Иван Павлович, наш

глубоко пенсионный зав отделением, на место которого, собственно, и приходит Добрынин, сделал меня старшим ординатором.

– Аннушка Николаевна, ты пойми, – вещал зав в кабинете, когда я сидела перед ним, ошарашенная его словами, – ведь некого же назначать! Ну безалаберность полнейшая! Документы в срок не заполняют, на протоколы операций без слёз не взглянешь, если, конечно, не тобой написаны-переписаны, – мужчина улыбнулся мне, и я постаралась улыбнуться в ответ.

– Иван Павлович, – начала тихо, – рано ведь мне. Вон, смотрите, у нас Ираида Сергеевна ординатор уже сколько лет, а...

– Ираида Сергеевна, солнце моё, хоть я и не должен так говорить, только чай гоняет, – Иван Павлович покрутил круглой лысой головой. – Можно подумать, мы с тобой оба не в курсе, что её палаты неофициально перепроверяете Георгий Львович и ты!

– Ну так Георгия Львовича сделайте, – мне и правда было неловко. А уж как в коллективе эту «прекрасную» новость воспримут, и подумать страшно.

– Не могу, милая моя, – Иван Павлович развёл руками, – у Георгия Львовича анамнез, так сказать, своеобразный. В общем, ты, Аннушка Николаевна, со мной не спорь, а работай, поняла? Опыт для тебя будет хороший, да и начальство новое когда придёт – всё ж таки ты уже будешь старший ор-

динатор. А то кто его знает, начальство это. Всё, иди!

Этот разговор между нами произошёл почти месяц назад. Мне, конечно, и раньше поручали ответственные задачи, но теперь, когда Иван Павлович ушёл на много лет как заслуженную пенсию, я нервничала. Вроде работу отделения знаю, как свои пять пальцев, но... кто его знает, начальство это, вот уж действительно!

Вера давно закончила заполнять свои журналы и упорхнула сплетничать с другими медсёстрами, а я сижу за столом, всё сильнее начиная клевать носом над историями болезней. Без сна уже больше двадцати... семи?... восьми часов? Ничего не соображаю... Надо бы встать и пойти домой, но сил нет совсем.

Дверь вдруг открывается и заходит незнакомый мне мужчина. Всё, как описывала Верочка – спортивный, мускулистый, высокий... Я смотрю на него, раскрыв рот, а он медленно подходит и глубоким голосом произносит:

– Анна Николаевна, насколько я понимаю? – бархатно улыбается, склоняется ниже, обдавая меня терпким запахом какого-то мужского парфюма. – Мне повезло, что мы будем работать вместе, Аннушка... – и тянется к моим губам.

Я подсакиваю на стуле от громкого хлопка двери и, толком не успев отойти от будоражающего сна и открыть глаза, поднимаюсь.

– Посторонним вход в ординаторскую запрещён!

В дверях стоит высокий мужчина, но из-за недосыпа и то-

го, что я только разлепила глаза, перед ними висит мутная пелена и разглядеть лицо не получается.

– Кто такая? Почему санэпидрежим нарушаешь?! Что за сон на рабочем месте прямо на... – неизвестный подходит ближе и берёт в руки верхнюю папку из стопки, – ...историях болезни? Без маски, без шапочки! Вот медсёстры пошли, – продолжает заводиться незнакомец.

Мне, наконец, удаётся проморгаться, но от такого тона и обвинений я впадаю в ступор, чего вообще-то со мной обычно не происходит. Открыв рот, в растерянности поднимаю голову и ловлю на себе взгляд тёмных, почти чёрных глаз из-под нахмуренных бровей.

– Ну, чего застыла?

И последняя грубая фраза, наконец, заставляет меня очнуться.

– Во-первых, мы с вами на брудершафт не пили! Меня зовут Анна Николаевна! Во-вторых, я не медсестра, а старший ординатор хирургического отделения! Что касается внешнего вида и сна, моё суточное дежурство закончилось, – перевожу взгляд на часы, висящие за спиной мужчины, прямо над входной дверью, – ровно четыре часа назад!

Высокая фигура незнакомца, нависающая надо мной, заставляет чувствовать себя некомфортно, и я быстро делаю два шага назад, вскидывая голову.

Высокий, мускулистый, красивый, в небрежно накинутах сверху на тонкий, обрисовывающий грудные мышцы свитер

белом халате...

– Никита Сергеевич, я полагаю, – произношу упавшим тоном.

Тот лишь хмыкает, разглядывая меня снизу доверху, и под этим взглядом я теряюсь.

– Что же в таком случае вы здесь делаете, Анна Николаевна? – язвительно произносит моё имя...

Добрынин? Точно же он?

– Если ваша смена давно закончилось? – договаривает, пока я собираюсь с мыслями.

– Вам ли не знать, что работа не заканчивается одновременно с дежурством, – устало произношу я и, пытаясь исправить впечатление, которое, наверное, создалось у него обо мне, подаю мужчине руку. – Здравствуйте, Никита Сергеевич. Мы не ждали вас сегодня.

– Я всегда являюсь, когда меня не ждут, – Добрынин, хмурясь, смотрит на протянутую ему конечность, как будто не понимает, что надо делать, а потом поднимает на меня глаза. – Это позволяет многое прояснить ещё на этапе знакомства, – кивает на мою руку, – не боитесь?

– Чего именно? – я, устав держать кисть на весу, опускаю её и сцепляю пальцы.

– Я же мужчина, вдруг сожму слишком сильно, а это ваш рабочий инструмент, – он прищуривается, а мне всё больше и больше становится не по себе от странности этого разговора.

– Я должна бояться вас? – подозрительно смотрю на него, спускаюсь взглядом вниз, опять поднимаю глаза на лицо, потом пожимаю плечами: – Вроде не такой уж и страшный.

– Интересная оценка, – с каким-то мрачным юмором, сверкнув на меня глазами, произносит Добрынин, и я слегка краснею, вдруг понимая, *что и кому* сказала.

– Я не это имела...

– Ваше дежурство закончено? – мою попытку смягчить ситуацию игнорируют.

– Да, я ведь уже го...

– В таком случае, вы свободны! – резко бросает Добрынин. – И впредь думайте, прежде чем открывать рот!

От такого окончания разговора я хватаю тем самым ртом воздух, а этот... хам разворачивается и выходит из кабинета.

– Если не уйдёте в течение десяти минут, можете считать, что у вас началось следующее дежурство! – с угрозой доносится из-за двери.

– Ах ты... – шепчу себе под нос, но, собрав и закрыв в шкафу истории болезней, быстро иду на выход.

Не стоит нагнетать ситуацию, знакомство и так получилось... далёким от того, что я хотела и планировала. Да и сам Добрынин – не ожидала я... такого!

Спускаюсь во врачебную раздевалку и прохожу к своему шкафчику. Помещение в хирургическом отделении, выделенное под место для переодевания, не слишком большое, вдоль стен и поперёк, разбивая комнату на коридорчики,

несколькими рядами выстроились шкафчики-пеналы. Иван Павлович не так давно подсуетился, выбил где-то небольшую сумму, и нам их даже поменяли – теперь стоят не страшные металлические, а деревянные. Никто, конечно, не будет выделять отдельные раздевалки для мужчин и женщин, в больнице помещений не хватает, поэтому так уж повелось, что, как говорится, «девочки – направо, мальчики – налево».

Открываю своё «хранилище» и вытягиваю оттуда джинсы и свитер, чуть не роняя тяжёлую куртку – на дворе уже март, но зима никак не хочет уходить.

– Аннушка Николаевна! – из-за угла вдруг выглядывает Верочка – медсёстры, как и врачи, тоже переодеваются здесь, свои собственные кабинеты есть только у заведующих.

– Господи, Вера, напугала, – я, прыгая на одной ноге, стаскиваю хирургические брюки. – Что случилось?

– Говорят, Добрынин уже пришёл! Сегодня!

Морщусь. Ну надо же, сколько энтузиазма в голосе.

– Да, пришёл, – согласно киваю и натягиваю джинсы.

Вера, уже одетая, выплывает ко мне в проход. И как она не падает на таких каблуках?

– Вы его видели, да? Да? Ой, Аннушка Николаевна, ну расскажите же, какой он?

– Мужчина, – хмыкаю саркастично. – Две ноги, две руки, голова. Остальные органы тоже на месте, полагаю. Насчёт

аппендицита и гланд не уверена, анамнез не собирала.

– Красивый? – до Верочки мой сарказм не доходит.

– В среднем по больнице? – поднимаю на неё взгляд, отчего-то отвечать не хочется. Опять потеряв виски – головная боль разыгралась только сильнее после незапланированного сна и встречи с новым руководством – вытаскиваю металлические шпильки из туго скрученного пучка и распускаю его. Уф-ф, сразу легче стало!

– Ну, Аннушка Николаевна! – канючит Вера.

– Вер, ну что ты заводишься из-за ерунды! Обычный мужчина, – тяну через голову форменную рубашку, которая цепляется за что-то в волосах. Шпильку что ли какую-то не вытащила?

Слышу вдруг странный писк Верочки и, дёрнув, таки снимаю верх. Освобождённые волосы падают на плечи, и первое, что я вижу, подняв голову – тёмные глаза стоящего напротив Добрынина.

Глава 2

Мда, не то чтобы я стеснялась. Когда ты оперирующий хирург, быстро привыкаешь ко всему – в конце концов, urgentные* случаи никто не отменял. Иногда приходится впопыхах натягивать на себя стерильные пижамы, путаясь в штанинах, рядом с анестезиологом – тоже, между прочим, мужского пола и весьма симпатичным – и пере...бравшим половину медсестёр нашего и смежных отделений.

Поэтому, опустив взгляд и убедившись, что моя тройка надёжно прикрыта спортивным бюстгалтером, опять гляжу на начальство. Тот вскидывает бровь, и мне всё же становится немного неловко. Надеюсь, он не решит, что я пытаюсь его соблазнить.

– Никита Сергеевич, позвольте задать сакраментальный вопрос, – натягиваю через голову свитер и вытаскиваю волосы из-под воротника, оставляя лежать на плечах. – Вы заблудились?

– По-моему, я нахожусь как раз там, где мне надо быть! – не задумавшись и на секунду, выдаёт Добрынин. – В раздевалке! А вот что вы делаете?

– По-моему, это очевидно, – отвечаю в том же тоне, – переодеваюсь.

– Здесь?

– Ну, это же раздевалка!

Мы ведём странные диалоги, как фехтовальщики, нападая и отступая, отбивая подачи друг друга и ловя момент, когда противник ослабит защиту. И почему-то у меня такое ощущение, что мой соперник не задумываясь заколет меня шпагой, когда ему представится удобный случай.

– Это же мужская раздевалка? – говорит Добрынин, склонив голову.

Вот ты и приоткрылся! Получай укол воображаемой рапирой!

– К сожалению, вы ошибаетесь, Никита Сергеевич, – спокойно достаю из шкафчика куртку, накидываю на плечи. – У нас нет отдельных мужской и женской раздевалок, это общее помещение для всех, мы привыкли. Но вас вряд ли должно это волновать, вы ведь будете переодеваться у себя в кабинете.

Краем глаза вижу явное разочарование на лице Верочки. Впрочем, начальство тоже не выглядит довольным.

– Почему нет отдельных раздевалок? – хмурясь, цедит мужчина.

Господи, он прямо как с луны свалился, честное слово. Хотя... вспоминаю, что, вроде бы, последние годы Добрынин в основном работал за рубежом. Ну, пусть привыкает к родной действительности.

– Никита Сергеевич, думаю, вы знаете, что такое оптимизация, – я уже собралась, надо выходить, а то вспотею, стоя

здесь в куртке. – Вот у нас и оптимизировали...

– Что конкретно? – мужчина преграждает мне дорогу.

– Всё, Никита Сергеевич, всё – расходы в основном, ну и помещения тоже, как видите. Позвольте пройти?

Он слегка сдвигается, складывает руки на груди.

– До свиданья, – киваю и протискиваюсь мимо высокой фигуры.

Верочка начинает что-то щебетать, но я торопливо выхожу из раздевалки, правда, тут же замедляюсь. Опять наваливается усталость и головная боль, медленно тащусь в сторону стоянки, где оставила машину. Права я получила сразу, как возраст стал подходящим – так мне хотелось уметь водить, а вот машину смогла купить только чуть больше года назад.

Кредит за свой малолитражный опель мне выплачивать ещё несколько месяцев, поэтому за расходами слежу очень внимательно. Но всё же заезжаю в супермаркет, чтобы купить что-нибудь вкусненькое, побаловать себя и ещё одного жильца в моей квартире.

Заползаю домой и плюхаюсь на пуфик возле двери.

– Привет, мистер Дарси! Скучал?

Меня встречает мой питомец – огромный чёрный котище с белыми усами и белой манишкой на груди. Два года назад я подобрала грязное трясущееся нечто в луже недалеко от дома. Этот клочок шерсти даже пищать не мог, первые пару дней я боялась, что вошь со слезящимися глазами и хвостом-зубочисткой сдохнет.

Но характера этому созданию было не занимать. Я нарекла его мистером Дарси, героем из своего любимого английского романа, и со временем котёнок полностью доказал правоту капитана Врунгеля, певшего «как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». Или я просто угадала, не знаю.

– Пойдём, сэр, угощу тебя, пока не заснула, – я соскребаю себя с пуфика и тащусь на кухню. Кот величественно шествует за мной и даже снисходит до того, чтобы потереться о ногу, пока я открываю его любимый паштет. Вообще-то, мистер Дарси совершенно точно не голоден – на кухне у меня стоит шайтан-машина, которая выдаёт кошачью еду порциями по расписанию. Но у нас с ним есть традиция совместных ужинов после моих суточных дежурств. Даже если это не ужин, а... смотрю на часы и понимаю, что время подходит к трём часам дня.

Я жую салат, купленный в магазине, не чувствуя вкуса и не соображая, что именно ем, прохожу в спальню, по дороге снимая с себя одежду и падаю на кровать лицом вниз. Последнее, что чувствую – это как Дарси устраивается рядом с моей головой, а потом отрубается.

Кажется, что настойчивый трезвон откуда-то снизу раздаётся спустя минуту. Я открываю глаза, но по темноте в комнате понимаю, что уже точно ночь. Или вечер. Или раннее утро. Со стоном поднимаюсь и, нашаривая на полу джинсы, вытаскиваю из кармана мобильный.

– Да? – отвечаю на звонок.

– Аннушка, знаю, что ты сегодня с суточного, но тебе нужно приехать! – раздаётся в трубке голос старшей медсестры.

– Что случилось, Надя? – мы с ней в дружеских отношениях, поэтому в личных разговорах субординацию не соблюдаем.

– Твоя подопечная из четвёртой палаты скандалит, Колоскова!

– О, господи, опять? – вырывается у меня из груди стон. Эта пациентка недовольна всем и всегда.

– Да, вот только сегодня здесь Добрынин, – переходит на шёпот Надя, – и, похоже, он принимает всё всерьёз.

К больнице я подъезжаю спустя полчаса – слава богу, живу недалеко, да и дороги в одиннадцатом часу уже свободны. Быстро переодеваюсь и поднимаюсь на этаж, где лежит скандальная пациентка.

– Добрый вечер, – здороваюсь спокойно и сразу прохожу к кровати у окна, где лежит Колоскова, при виде меня страдальчески закатившая глаза. – Что случилось, Татьяна Ивановна? На что жалуемся?

– Доктор, это просто невозможно, – начинает она со сварливыми интонациями, – мало того, что мне постоянно хамят ваши медсёстры, так они ещё и не делают свою работу, когда человеку плохо!

– Какому человеку? – спрашиваю опрометчиво.

– Да мне же! – краснея от негодования, выдаёт пациентка. – У меня такие боли в сердце! Внутри всё горит! А никто и

ухом не ведёт!

– Вот как? – беру тонометр и надеваю на тут же подставленную руку.

– Да! А вы почему так долго не приходили?

– У меня закончилось дежурство, – отвечаю, измеряя давление. – 130 на 80, неплохо. Где конкретно болит?

– Вот здесь прямо печёт, доктор! – она показывает на грудину. – А когда ложусь, вообще ужас! Умру здесь, никто и ухом не поведёт, – заводит свою обычную жалобную приписку женщина.

Стенокардия? Давление было бы выше... Да и вообще, состояние у неё явно в норме – те, кому и в самом деле плохо, так возмущаться не способны. Задумавшись, тяну носом воздух – какой-то знакомый запах рядом с кроватью, но не могу понять, что это такое.

– Анна Николаевна, – громыкает возле двери.

Явился.

– Почему такое небрежное отношение к пациентке? – Добрынин быстро проходит вперёд и останавливается рядом с кроватью. – Мне поступило заявление на хамство персонала и отсутствие реакций на жалобы. Позвольте вам напомнить, Анна Николаевна...

– Секунду, Никита Сергеевич, – озарённая внезапной догадкой, я перебиваю мужчину. – Татьяна Ивановна, – поворачиваюсь к пациентке, – что вы ели на ужин?

– На ужин? – женщина внезапно опускает глаза и бурчит:

– Что было, то и ела.

– А конкретнее? – не отстаю, потому что узнала, наконец, запах.

– Да лапшу ей сын принёс, – раздаётся голос с кровати напротив, там лежит ещё одна пожилая женщина, – вон же пахнет как.

– Какую лапшу? – хмурится Добрынин.

– Вьетнамскую, я полагаю? – внимательно смотрю на Колоскову, которой, вообще-то, показана определённая диета. И уж точно ничего острого, жирного, жареного и солёного.

– А что мне, голодом тут у вас лежать? – взрывается пациентка. – Хамят, не лечат, ещё и кормят чем попало!

Добрынин, сузив глаза, смотрит сначала на пациентку, потом на меня.

– Татьяна Ивановна, я скажу медсестре, она даст вам лекарство от изжоги, – я говорю спокойно и негромко, именно такой голос лучше всего действует на людей. – Мы хотим, чтобы вы поправились, но для этого вы должны нам помочь. Сейчас вам больше всего подходит именно больничный стол. Я передам вашему сыну, что не стоит приносить вам еду, которая будет раздражать желудок.

Колоскова фыркает и отворачивается. Похоже, конфликт исчерпан, и мы с Добрыниным выходим из палаты. Я поворачиваюсь к нему и только открываю рот, как слышу:

– Что за бардак вы тут развели?

У меня просто глаза на лоб лезут. Смотрю на начальство

молча – я не ослышалась?

– Почему вы не следите за своими пациентами? – рявкает Добрынин. – Я должен тратить своё время на изжогу? – последнее слово он произносит настолько кислым тоном, что у меня самой чуть изжога не начинается. – Почему при поступлении вы не объяснили пациентке, чем чревато для неё нарушение диеты? Мне что, ходить по палатам и лекции читать?!

От дурацких обвинений, да ещё и высказанных в таком тоне, я теряюсь, а Добрынин продолжает:

– У вас, кажется, хирургическая специальность, м-м? Так какого... вы рассусоливаете с пациентами?

Хватаю ртом воздух, не в состоянии ответить.

– Так вот, Анна Николаевна, вы никогда не станете хорошим хирургом, – губы мужчины кривятся, голос холоден, – если продолжите так сюсюкать. Все эти ваши женские заморочки и слабости в хирургии не пройдут, – он небрежно жестикулирует. – Хирургу нужны железные нервы и крепкая рука! А с вашими данными идите вон терапевтом в поликлинику, или педиатром, детей взвешивать в день здорового ребёнка!

– Как вы смеете?! – сорвавшись, подскакиваю ближе, шиплю ему прямо в лицо. Он... он... сволочь! Да я всю жизнь положила, чтобы добиться того, что имею сейчас!

Мы оказываемся непозволительно близко. Дышим одним и тем же воздухом. В его глазах вдруг что-то вспыхивает –

зрачок расширяется, я вижу своё отражение, и в ту же секунду мужчина резко отшатывается назад.

– Я всё сказал! Если хотите продолжать работать в моём отделении, докажите свою полезность!

Уже, значит, в «его» отделении! Да уж. Смотрю на удаляющуюся от меня фигуру, наполняясь мрачной решимостью. Хочет доказательств? Будут ему доказательства!

* * *

Шесть месяцев проверок. Шесть месяцев доказательств. На меня кричат, меня провоцируют и обвиняют во всех грехах, а я молчу, стиснув зубы. Хватит, выступила уже в первый день. Надо признать, несмотря ни на что, работать с Добрыниным – большая удача. Я многому научилась и учусь ежедневно. Вот только характерец у него...

Тщательно моя с мылом и щётками руки, гадаю, зачем зав позвал меня первым ассистентом на такую в общем-то несложную операцию, как стентирование. Под местным наркозом ведь, да и вообще...

Помывшись сами и подготовив пациента – пожилого мужчину – мы с анестезиологом и операционной сестрой замираем, ожидая главного хирурга.

Добрынин заходит в операционную и кивает мне.

– Выполняйте.

Я поднимаю брови в немом вопросе.

– Ну, что смотрите? Начинайте!

Ну ладно, желание начальства – закон. Смотрю на анестезиолога, тот кивает – пациент под седативными.

– Работаем.

Выдох. Прокол стенки сосуда, вхожу в бедренную артерию, ввожу катетер. Через вену пациенту поступает контрастирующий раствор, и я сразу замечаю на мониторе нужный мне отрезок коронарной артерии.

– Вижу участок сужения.

Сегодня на операции нет интернов, заглядывающих через плечо, но я по привычке проговариваю все свои действия. Аккуратно продвигаю катетер по кровеносному руслу. Добравшись до нужного места, устанавливаю стент – всё проходит без сучка, без задоринки.

Операцию заканчиваю через сорок минут. Анестезиолог Володя показывает мне соединённые кружочком большой и указательный пальцы – всё ОК! Смотрю на Добрынина, который никак не комментировал мои действия. Он равнодушно кивает, разворачивается и выходит из операционной. Не то чтобы я чего-то ожидала... но мог хоть слово сказать! Хотя чего это я... Передёргиваю плечами – хоть и натренировала выдержку, всё равно немного обидно.

После операции, размывшись, сразу иду писать протокол. Я и раньше не затягивала с этим, а за последние три месяца сделала своей привычкой – чтобы Добрынин ни к чему даже подкопаться не мог.

– Аннушка, любовь моя! – подкатывает ко мне сбоку Володя. – Когда ты уже согласишься со мной поужинать, а?

– Так пойдём, поужинаем, столовка работает ещё, – смотрю на часы, – Вов, вообще-то время обеденное.

– Эх ты, – машет на меня рукой Володя.

– А-а, ты о том ужине, который с перспективой перейти в горизонтальную плоскость? – ехидно тяну, скидывая со своего плеча ладонь анестезиолога. – И не надейся, Вов! Моё имя ты в свою бальную книжечку не запишешь!

– Очередной отказ, – прижимает к груди руки этот паяц. – И как я жив до сих пор?

– Вон, Верочку пригласи на ужин, она точно пойдёт, – открываю дверь ординаторской.

– Она – не ты! Да и потом, она сохнет по нашему... Эх! – я бью локтем Володе в живот, чтобы он успел заткнуться – в ординаторской обнаруживается сердитый Добрынин.

– Анна Николаевна, где вы ходите?

Ну, началось... может, он уже что-нибудь новое придумает?

– Идёмте! – Добрынин резко проходит мимо меня.

– Куда? – да, очень умный вопрос.

– Вы ведь ещё не заполнили протокол операции? – оста-навливается и вперяется в меня взглядом тёмных глаз.

– Сейчас сяду заполнять, – пожимаю плечами.

– Ну вот и идёмте!

Переглядываемся с Вовкой, он делает недоумённое лицо,

а я, сдержав вздох, подхватываю бумаги и иду следом за начальством.

– Садитесь, Анна Николаевна, – Добрынин показывает на стул напротив своего рабочего стола в кабинете – точнее даже, двух столов, расположенных буквой П.

Сажусь, раскладываю документы и поднимаю глаза.

– Что я должна делать?

– Пишите!

– Что писать?

– Протокол, – зав смотрит на меня хмуро.

– Никита Сергеевич, – спрашиваю осторожно, – есть какая-то причина, почему я должна делать это здесь, в вашем кабинете?

– Я перед вами что, отчитываться должен? – Добрынин заводится с пол-оборота, и я, быстро заткнувшись, склоняюсь над бумагами. – Здесь никто вас не будет отвлекать от работы, – вдруг звучит мрачное объяснение.

– Я поняла, Никита Сергеевич, – говорю, не отрывая взгляда от листа, по которому быстро веду ручкой, после чего в кабинете воцаряется тишина.

Вот все жалуются, что у врачей почерк ужасный, а как ему таким не быть, когда к концу дня рука отваливается от писанины? Хотя я стараюсь заполнять все бумаги разборчиво, чтобы не нарваться на очередной вопль начальства. Ну, не каллиграфия, конечно, но по крайней мере можно понять, о чём речь.

Закончив с протоколом, начинаю переносить дубль в операционный журнал, который тоже захватила с собой. Руку уже сводит, поэтому на секунду расправляю пальцы и осторожно поднимаю глаза от документов.

Добрынин сидит прямо напротив меня и тоже что-то строит. Замираю ненадолго, исподтишка разглядывая мужчину. Если бы не знала, какой он паразит, наверное, по-другому воспринимала бы – стоит признать, что внешность у него удивительная. Никакой слащавости, резкие черты лица, но при этом складывающиеся в удивительно гармоничную общую картину. Где-то я даже видела похожее лицо, на какой-то из картин в галерее...

Задумавшись, не сразу понимаю, что начальник уже давно оторвался от бумаг и смотрит прямо на меня.

– Нравлюсь? – вдруг звучит наглый вопрос, мужчина откидывается на спинку кресла, но я не обращаю внимания, потому что в голове всплывает чёткая картинка.

– Ну конечно! – улыбаюсь, довольная, что вспомнила.

– Ч-что?

– Врубель! – говорю победно. – «Демон» Врубеля!

– Анна Николаевна, с вами всё в порядке?

Я, наконец, фокусирую взгляд на растерянном Добрынине.

– Вы что-то спросили?

– Да, то есть... нет. Вы дописали? – сводит брови к переносице.

— Почти, — перевожу взгляд на бумаги, и тут распахивается дверь.

— Ник, — в кабинет врывается заведующая гинекологией, — пообедаем?

— Здравствуйте, Маргарита Владимировна. Никита Сергеевич, я допишу протокол и принесу вам на подпись, — молниеносно собираю все бумаги со стола, и Добрынин не успевает меня остановить.

Дежурство идёт своим чередом, точнее, бежит — я не замечаю, как наступает ночь, и отделение замирает. Ну, не совсем, конечно, но всё-таки становится потише. Отойдя от поста медсестры, где проверяла утренние назначения, тру лицо руками и решаю прилечь хоть на полчаса — в ординаторской есть крошечный диванчик.

В кабинете прохладно, но я настолько вымоталась, что не обращаю внимания на неудобства и отключаюсь. Видимо, из-за усталости мне даже снится, что я сплю! Только, естественно, дома, в своей кровати, с котом, который кладёт лапу мне на лицо — есть у него такая дурацкая привычка.

— Дарси, отстань, дай поспать, — бормочу сквозь дрему, — еда у тебя в миске!

Мистер Дарси как-то странно фыркает, совсем по-человечески вздыхает и убирает лапу. А мне становится тепло, и я окончательно проваливаюсь в сон.

* ургентный — требующий неотложной помощи в кратчай-

шие сроки.

Не могла не показать вам мистера Дарси)))

Глава 3

– Анна Николаевна, с вами хочет поговорить пациент из восьмой палаты, – меня догоняет медсестра.

День в самом разгаре, утренняя пятиминутка давно закончилась, как и обход, а я, естественно, никак не могу уйти, хотя дежурство подошло к концу ещё несколько часов назад.

– Спасибо, Марина, сейчас зайду, – отвечаю рассеянно, перебирая на ходу пальцами уголки историй болезней. До сих пор не могу отделаться от мыслей об одной странности.

Незапланированный сон в ординаторской был, конечно, коротким – меня быстро разбудили, когда по скорой поступил очередной пациент. Вот только проснувшись, я обнаружила, что укрыта сразу двумя медицинскими халатами. И если один был вполне объясним – я могла, замёрзнув, во сне стянуть его со спинки дивана, то второму совершенно неоткуда было взяться.

– Добрый день, Герман Эдуардович, – выкидывая из головы всякую чертовщину, захожу к пожилому мужчине, которому вчера выполняла стентирование. – Мне передали, что вы хотите меня видеть?

– Голубушка, мне очень неловко, – начинает он, и я улыбаюсь, услышав это обращение, – но я не помню вашего имени...

– Меня зовут Анна Николаевна, я вчера проводила операцию.

– Ну, это-то я помню, не настолько уж я плох, – отпускает смешок Герман Эдуардович, – Анна Николаевна, можете ли вы выписать меня сегодня?

– Сегодня? – поднимаю брови, подходя ближе, и хмурюсь, открывая историю болезни.

– Аннушка, понимаете... Могу я звать вас Аннушкой? – старик улыбается. – Так звали мою жену, мне будет очень приятно, если вы позволите...

– Конечно, Герман Эдуардович, но я бы попросила вас не торопиться с выпиской. Да, действительно, после стентирования мы не держим в больнице долго, но хотя бы пару дней вам нужно побыть под наблюдением.

Мужчина хмурится, но молчит.

– Я вам объясню, дело в том, что нам нужно убедиться в нормальной реакции вашего организма на...

– Ой, попрошу вас, говорите кратко! – слабая улыбка появляется на его лице, и он продолжает: – Я стар, мадмуазель, и от речей устал!

– И не терплю от барышень нотаций, – договариваю невольно и улыбаюсь.

Я совсем недавно пересматривала «Гусарскую балладу» и помню сцену Шурочки с Кутузовым.

– Ну надо же! – в глазах моего собеседника появляется интерес. – Не ожидал.

– Герман Эдуардович, – возвращаюсь к нашему разговору, – вы, конечно, можете написать отказ от госпитализации, и всё же я очень прошу вас этого не делать.

– Ну что ж, Аннушка, только ради вас, – старик откидывается на подушки, я вижу, что он... ну не то чтобы расстроен, но как-то погрузтел, и мне становится его жалко.

– Вас дома кто-то ждёт? Я бы не хотела, чтобы вы остались без наблюдения. Если вас встретят, то, может быть...

– Нет, Аннушка, – он говорит спокойно, – я живу один.

Я замолкаю, становится неловко. Наверное, его жена умерла, но неужели ни детей, ни родни? Вдруг чувствую родство с этим почти незнакомым мне человеком. У меня есть подруги, но у них всё равно своя жизнь – у Маруськи сын, Мари теперь замужем – мы буквально неделю назад отпраздновали их с Ильёй свадьбу.

– Герман Эдуардович, а давайте, я вас провожу? – проişношу внезапно, и мне тут же становится не по себе. Кто я ему, зачем вообще полезла, наверняка это выглядит подозрительно. – Извините, – иду на попятный, – не знаю, почему я...

– На самом деле мне это будет очень приятно, – мужчина выглядит удивлённым и довольным одновременно, – но только зачем же вам тратить своё время?

– Вы ведь мой пациент, я несу за вас ответственность, – смущённо улыбаюсь.

– И вы меня выпишете побыстрее? – он слегка пожимает

плечами. – Не люблю я больницы.

– Только не сегодня, хорошо? Завтра! – говорю, пролистая его историю болезни. – Прямо с утра. Сейчас я смеюсь с дежурства, а на следующий день приеду за вами и выписку оформлю!

– Ну что ж, договорились, Аннушка, – Герман Эдуардович смотрит на меня с улыбкой. – Но только тогда в благодарность за вашу услугу я приглашаю вас, скажем, на ужин! Как вам идея?

– Свидание? – улыбаюсь весело. – Отлично! Я обязательно надену что-нибудь симпатичное!

– Сто лет не был на свидании, – в тон мне отвечает мужчина.

– Не может быть, сколько же вам уже?... – округляю глаза в притворном ужасе.

– О, нет, – он смеётся. – На такие вопросы я не отвечаю, даже столь красивым девушкам!

Я выхожу из палаты в прекрасном настроении и настолько поглощена своими мыслями, что широко и приветливо улыбаюсь идущему навстречу...

Ой, блин, это же Добрынин! Который, похоже, настолько опешил от моего выражения лица, что замер на месте чуть не с приподнятой для шага ногой.

– Ан-на Николаевна, – зовёт меня, чуть запинаясь, – вы что здесь... – прокашливается, и продолжает уже более уверенно: – У вас дежурство закончилось.

– Да, Никита Сергеевич, – я уже вернула на лицо привычную маску спокойствия, которую привыкла удерживать рядом с начальством. – Уже ухожу.

Отвлекаюсь на вибрирующий в кармане халата телефон, вытаскиваю трубку и, увидев на дисплее «майор Богатырёв», прикусываю губу. Мы с Полканом познакомились, когда была ранена моя подруга – он приходил в больницу снимать показания. И теперь время от времени приглашает меня куда-нибудь. Я вижу, что нравлюсь ему, да и сама отношусь к нему тепло, но... как говорится, ничего не ёкает.

– Да, Полкан, – отвечаю на звонок, поворачиваюсь и медленно иду по коридору.

– Судя по твоему тону, ты на работе, – слышу в ответ и не могу не улыбнуться.

– А что не так с моим тоном?

– Аня, ты бы слышала себя со стороны! – мягко смеётся мужчина. – В твоём «да» отчётливо звучит: «Говорите кратко и по существу, я занята!»

– Неужели всё так ужасно? – смеюсь в ответ.

– Конечно, нет, – Полкан секунду молчит, а затем спрашивает: – Как ты смотришь на то, чтобы вместе поужинать завтра?

– Прости, не могу, – говорю с раскаянием, – у меня уже есть планы. Может быть, в другой день.

– Ага, через месяц, – грустно вздыхает мужчина.

– Обещаю, что раньше! – мне и правда неловко ему отка-

зывать, но я уже отдала этот вечер Герману Эдуардовичу. – Давай... – задумываюсь, вспоминая свой график, – ...давай в эту субботу?

– Может быть, совместим обед и ужин? И в промежутке прогуляемся? – с энтузиазмом произносит Богатырёв. – По-году отличную обещают, а ты света белого не видишь в своей хирургии!

– Хорошо, я не против.

– Отлично! Увидимся! – довольно говорит мужчина. – Всё, не отвлекаю тебя!

– До встречи, – отключаю телефон, сую его обратно в карман и развернувшись, утыкаюсь в мужскую грудь.

Не поняла... Он что, шёл за мной всё это время?

– Никита Сергеевич? – делаю шаг назад, поднимая голову.

– Вы закончили? – с сарказмом говорит Добрынин.

– Если вы о моей смене, Никита Сергеевич, то я закончила её уже несколько часов назад, – говорю, прищурившись.

Вот ещё, мне и по телефону поговорить нельзя? Мужчина стоит передо мной, задумчиво рассматривая мою больничную униформу. Ну что ему опять не так? Я вдруг чувствую, что невозможно, невыносимо устала от всего этого. Ведём себя, как дети, поссорившиеся в песочнице! «В основном, конечно, он», – не могу не отметить мысленно. А ведь часто от нас обоих зависят жизни и здоровье тех людей, которые здесь лежат.

– Никита Сергеевич, – говорю вдруг нормальным голо-

сом, как сказала бы любому другому человеку, – я очень устала и домой хочу. Вы мне что-то сказать, наверное, собирались?

– У вас есть домашние животные? – звучит внезапный и совершенно нелогичный вопрос.

– Да, кот, – отвечаю растерянно.

– Ну конечно, кот. Как я не догадался, – бормочет тихо зав. – Анна Николаевна, вполне вероятно, вас вызовут в субботу на работу.

– Откуда вы... – делаю глубокий вдох и закрываю глаза, потом открываю. – У вас плановая назначена? Мне нужно присутствовать?

– Н-не совсем, – он отступает на шаг.

– Тогда что? – я делаю шаг вперёд. – Что-то с расписанием?

– Да, с расписанием, – он кивает, как будто радуясь подвернувшемуся поводу.

– Я проверила его сегодня, персонала на всю неделю в отделе хватает, – ещё один шаг, он от меня, я к нему. – Что-то с документами? Внутренняя проверка?

– Да! – Добрынин оглядывается по сторонам, явно ища, за что зацепиться взглядом.

– Все журналы заполнены, истории подшиты! Если к нам завтра внезапно не пришлют батальон солдат с множественными ранениями конечностей, то моя помощь не понадобится!

Я сама сейчас кого-нибудь раню... в какую-нибудь край-не неподходящую конечность! Он же наверняка хочет опять меня загрузить работой по самую макушку, чтоб потом при-дираться к каждой запятой!

– Протокол надо будет. Болезни заполнить, то есть... опе-рации, – путано выдаёт этот... главный хирург, делая послед-ний шаг назад к двери своего кабинета.

– Угу. Заполнить. Операции, – повторяю задумчиво и останавливаюсь, глядя на мужчину, который под моим взгля-дом суёт руки в карманы, потом вытаскивает и складывает на груди.

– Никита Сергеевич, – говорю вкрадчиво, – я вам зачем-то нужна?

– Нет! – выпаливает, но тут же исправляется: – То есть, да!

– Именно в субботу?

– Ну... – неуверенно выдаёт начальство.

– Это настолько срочно?

– Очень срочно и важно! – убедительно кивает.

– Раз так срочно, я выполню все ваши поручения в пят-ницу! – произношу уверенно и ставлю точку в разговоре. – Чтобы заранее! До свидания!

Он не прощается, но, уходя по коридору, я в конце концов слышу, как с размаху хлопает дверь о косяк. Удовлетворённо киваю – не всё ему меня доводить!

Приехав домой и натислав Дарси, который сегодня на-строен помурчать мне в ухо, отрубаясь и в кои-то веки нор-

мально высыпаюсь! А с утра, открыв шкаф, начинаю искать, что бы такое надеть, чтобы встретить Германа Эдуардовича.

Как-то я обычно совсем не задумываюсь об одежде – меня больше волнует, чтобы хирургический костюм был на смену и белый халат наглажен. Правда, какие-то фирменные тряпки мне привозила мать... Когда ещё приезжала, а последний раз это было уже больше года назад. Достаю платье, которое она мне подарила последним – бледно-голубое, запашное, простого силуэта. Прямая юбка, небольшой намёк на рукавчик, отложной воротник, самое интересное в нём – молния, которая застёгивается не посередине, а сбоку – с помощью неё можно регулировать глубину декольте.

Когда я мерила его при матери, она фыркнула и сказала, что халат сверху – и будет вылитая моя форма, разве что с юбкой, а не со штанами. От неё это был совсем не комплимент, мама считает, что при моей внешности я могла бы устроиться лучше, а не пахать ночами в больнице. Но только её судьбы и шести – или семи? – мужей я не хочу, мне в хирургии значительно лучше!

Одеваюсь и кручусь перед зеркалом. Похудела я, что ли? Хотя чего удивляться, с мои-то режимом... А ведь у платья пояс есть! Затягиваю талию и довольно киваю – ну а что, неплохо! Можно и в субботу надеть, когда с Богатырёвым встретимся.

Приезжаю в больницу, поднимаюсь в отделение, накинув сверху халат, и сразу иду к Герману Эдуардовичу.

– Доброе утро! – захожу в палату.

– Доброе утро, Аннушка, – мужчина улыбается мне, – вы потрясающе выглядите!

– Спасибо, – у меня, кажется, вспыхивают щёки, – я же обещала, что найду что-нибудь симпатичное.

– Вы ставите меня в неловкое положение, моя дорогая, – прижимает руку к сердцу Герман Эдуардович. – Дадите мне время тоже привести себя в порядок, чтобы соответствовать своей прекрасной спутнице?

– Ну конечно! Я пока выписку оформлю, минут через двадцать подойду, – киваю ему и, выйдя из палаты, иду к сестринскому посту.

– Ой, Аннушка Николаевна, отлично выглядите сегодня! – улыбается Марина, одна из дежурных медсестёр.

– Спасибо. Дай мне, пожалуйста, историю Соболевского.

– А она у Никиты Сергеевича, – Марина параллельно заполняет справки, – они вчера вечером разговаривали.

– Кто? – ничего не понимаю.

– Ну, Никита Сергеевич и этот Соболевский, зав к нему зашёл и долго у него был.

– Вот как, – задумчиво тру пальцами лоб. Я так надеялась не попасться Добрынину на глаза, а теперь к нему за историей придётся идти.

– Он вроде сейчас у Марго, – понижая голос, заговорщически шепчет Марина, – вы зайдите к нему в кабинет и возь-

мите, я недавно забегала, папка у него прямо сверху на столе лежала!

– У... Марго?

– У Маргариты Владимировны.

– А-а, зав гинекологией. Операция совместная предстоит?

Тактику вырабатывают?

– Ага, тактику, – прыскает Марина, – в общем, вы идите.

Что она имела в виду, до меня доходит только спустя минуту. Уши начинают гореть, я возмущённо фыркаю и, толкнув дверь, залетаю в кабинет. Да, действительно, история лежит прямо на столе – беру её и торопливо выхожу.

Только делаю шаг по направлению к палате Германа Эдуардовича, как меня останавливает знакомый окрик:

– Стоять! Кто вам разрешил заходить в мой кабинет?

Проглатываю тоскливый вздох и разворачиваюсь к подошедшему мужчине.

– Анна... Николаевна?

А кого он ожидал увидеть? Хмурюсь, глядя на Добрынина, который осматривает меня снизу доверху, цепляется взглядом за распахнутый халат, расстёгнутую молнию, сглатывает, а потом просто по щелчку приходит в бешенство. Я запоздало соображаю, что декольте можно было и поменьше сделать.

– Эт-то ещё что такое?!

Глава 4

– Вы почему не в форме?! Что вы себе позволяете? – шипит зав.

– У меня выходной... – начинаю говорить, но меня тут же перебивают.

– И что? Если вы явились на работу, вы должны соблюдать санэпидрежим! А это значит – хирургический костюм, халат, волосы прикрыты, на лице маска! Какого х... я должен объяснять старшему ординатору очевидные вещи?!

Ага, а сверху противогаз и костюм полной химзащиты! Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы закатить глаза. Надоело! Уже открываю рот, чтобы ответить какой-нибудь резкостью, но тут слышу голос, доносящийся из соседней палаты.

– Никита Сергеевич, зайдите, пожалуйста, – зовёт Герман Эдуардович.

Добрынин обжигает меня взглядом и проходит вперёд. Я иду следом, захожу внутрь.

– Аннушка, будьте добры, прикройте дверь.

Герман Эдуардович стоит посреди палаты уже одетый в старомодный, но элегантный костюм, в руке держит шляпу, другой слегка опирается на деревянную трость – и выглядит, как настоящий джентльмен из какого-нибудь романа.

– Что-то случилось? – Добрынин обращается к старику

первым, и, честно сказать, я удивлена уважением, которое звучит в его голосе.

– Никита Сергеевич, я, к своему глубокому сожалению, услышал сейчас кое-что, что мне очень не понравилось. Если бы в своё время я позволил себе так кричать на девушку, к которой... – Герман Эдуардович внезапно останавливается и внимательно смотрит на растерявшегося Добрынина. – Даже если она моя подчинённая. Особенно, если она моя подчинённая! Мало вас родители в детстве пороли, Никита Сергеевич, раз вы считаете допустимым столь недостойное поведение.

Я смотрю на эту сцену круглыми глазами, а потом вижу невероятное! Главный хирург отделения... краснеет! На скулах расцветают пятна – он выглядит, как мальчишка, пойманный на «месте преступления», смущённо бурчит что-то себе под нос и вылетает из палаты на всех парах.

– Герман Эдуардович, это что сейчас такое было? – с изумлением смотрю на дверь, а потом поворачиваюсь к мужчине.

– Аннушка, за вас давно нужно было вступиться. Никита Сергеевич, как бы это сказать, – старик вздыхает, – в некоторых вещах разбирается на уровне, несоответствующем его возрасту.

Я фыркаю от этой дипломатии.

– А невоспитанным подросткам, знаете ли, неплохо время от времени напоминать о правилах хорошего тона – даже если они уже хирурги-профессионалы под два метра ростом,

– хмыкает мужчина. – Ну, будем надеяться, рано или поздно он повзрослеет и разберётся. Лучше бы, конечно, рано, хотя сложно на это рассчитывать, учитывая некоторые обстоятельства.

– Что-то я ничего не понимаю, – развожу руками.

– Да это я так говорю, Аннушка, вы уж извините старика, – он улыбается. – Ну что, мы можем идти?

– Да, пойдёмте! – подхожу и беру мужчину под руку. – Должна вам сказать, Герман Эдуардович, что выглядите вы просто шикарно! Была б я чуть поближе к вам по возрасту, мне бы угрожала серьёзная опасность потерять голову!

Мы оба смеёмся.

– В молодости вы, наверное, были сердцеедом? – хитро смотрю на него.

– Нет, дорогая моя, – качает головой Герман, – я рано влюбился. Её тоже звали Анна, вы помните, я говорил вам об этом?

– Конечно, – киваю, принаравливаясь к шагам моего спутника.

– Да, она тоже была Аннушка, – у меня даже глаза пощипывает, такой любовью наполнен его голос, а мужчина продолжает: – Мы прожили вместе пятьдесят три года, а потом её не стало. Сердце...

– Мне очень жаль, – говорю тихо.

– Мне тоже, – отвечает он. – Но, знаете, – продолжает уже более крепким и уверенным голосом, – я безумно благода-

рен за все те годы, которые мы провели вместе. Рано или поздно мы встретимся. Вы верите в то, что люди встречаются потом?

– Я не знаю, – произношу задумчиво, – но когда-то я прочитала фразу, которая мне запомнилась: куда смогла пойти она, сможете пойти и вы.

– Отличные слова, – мужчина кивает. – Но так как у нас с вами сегодня свидание, давайте не будем о грустном?

– Конечно, – улыбаюсь в ответ. – Я сейчас отвезу вас домой, вы отдохнёте, а вечером сходим поужинать?

– С удовольствием! В таком случае сначала приглашаю вас к себе на чай!

Мы спускаемся к моей машине. Оказывается, Герман Эдуардович живёт совсем недалеко от больницы, в старой «сталинке» с высоченными потолками.

– У вас же тут самый настоящий музей! – я с восхищением оглядываюсь в гостиной, куда меня проводил мой кавалер, на её стенах множество картин – копии очень известных мастеров. – Вы художник? – заметив в углу мольберт, поворачиваюсь к Герману Эдуардовичу.

– Ну что вы, дорогая моя, я ремесленник, – смеётся мужчина. – Это, говоря современным языком, исключительно хобби.

Прохожу к двум небольшим картинам и не могу сдержать улыбку – они совершенно точно висят рядом неслучайно.

– Что скажете о них? – Герман Эдуардович становится ря-

дом, и я улавливаю цепкий взгляд, который он бросает на меня.

– Вы специально повесили рядом два "Завтрака на траве" Моне и Мане? – улыбаясь, поворачиваюсь к своему собеседнику.

– Bravo, Аннушка! – в его глазах проскальзывает довольство и гордость, так учитель смотрит на своего ученика, верно ответившего экзаменационной комиссии на сложный вопрос. – Можете считать, что вы прошли тест.

– Какой тест, Герман Эдуардович? – смотрю на него, но ответа не получаю и отвлекаюсь на другие картины, медленно иду вдоль стены.

– Я даже завидую немного... – задумчиво и тихо произносит Соболевский. – Вот так умудриться встретить и ничего не замечать...

Мне не до загадок, которыми говорит мужчина, я в восторге от его работ.

– Это просто потрясающе!

– Спасибо, Аннушка. Ну что, чай?

Киваю, и мы перемещаемся на кухню. До самого вечера, не переставая, разговариваем обо всём на свете – Соболевский удивительный рассказчик, его истории я слушаю, раскрыв рот. Потом идём на ужин в небольшой ресторанчик поблизости. Сама тоже рассказываю Герману истории из своего детства, учёбы – в общем, проводим время как настоящие друзья и на прощание договариваемся сходить вместе в му-

зей.

Добравшись домой, я ещё пару минут сижу в машине, переваривая события этого дня. Привычка всё анализировать подкидывает причину, почему мне так хорошо рядом с этим пожилым мужчиной – у меня никогда не было нормально-го отца. Все мамыны мужья были единицами переменными, привязываться к кому-то я опасалась, но всегда втайне мечтала, что у меня будет сильный папа, который защитит меня от любых обидчиков.

Фыркаю – ну что ж, сегодня с ролью защитника прекрасно справился Герман Эдуардович!

Следующий рабочий день подкидывает ворох срочных задач, и только к вечеру я соображаю, что до сих пор не видела своё начальство, хотя он совершенно точно здесь. «Ну и ладно, – думаю, сидя с очередной кипой документов в ординаторской, – если это результат головомойки, которую ему устроил Соболевский, то надо просить Германа заходить в больницу почаще!»

– Анна Николаевна, – негромко звучит вдруг за спиной голос, заставляющий меня вздрогнуть, – зайдите ко мне.

Вот только помяни чёрта...

Добрынин идёт впереди меня, заходит в свой кабинет, я вхожу следом за ним. Что у нас опять не слава богу? Какой косяк он мне хочет предъявить?

Зав не торопится начинать разговор, а я тем более молчу – сам ведь позвал. Кидает на меня быстрый взгляд, открыва-

ет рот, но тут же закрывает его. Наконец, после ещё одного фальстарта мужчина медленно произносит:

– Анна Николаевна, у меня завтра с утра две плановых, и ответственный пациент в реанимации лежит, могу я на вас рассчитывать?

Ну надо же, оказывается, мы умеем нормально разговаривать!

– Конечно, Никита Сергеевич, – я не позволяю даже капле ехидства просочиться в свой тон. – Это всё? – спрашиваю, выдержав паузу.

– Нет, – качает головой, и я всем видом показываю, что внимательно его слушаю. Добрынин смотрит подозрительно, но держать каменное выражение лица рядом с ним я научилась виртуозно.

– Я... – он делает пару глубоких вдохов, я не мешаю, с интересом разглядывая отводящего глаза мужчину. – ...хочу извиниться, – наконец с трудом выдавливает из себя.

На секунду впадаю в ступор. Его подменили? У него есть брат-близнец? Который сейчас ворвётся в кабинет, и мы все спляшем на манер индийского кино? Фу, чёрт, что за дичь в голову лезет! С другой стороны... смотрю на глядящего на меня исподлобья хмурого руководителя. Нет, облегчать ему задачу я не собираюсь.

– Хотите – извиняйтесь! – произношу спокойно.

На лице мужчины появляется мученическое выражение. Для следующей фразы ему опять понадобилось несколько

ВДОХОВ.

– Извините, я не должен был вчера... кричать на вас, – он опускает глаза.

Вздыхаю. Он на меня столько орал за последние несколько месяцев, я такого количества воплей в свой адрес никогда не слышала. А теперь извиняется. За вчерашнее повышение голоса – и только потому, что его пристыдил Герман Эдуардович. Невероятно!

– Никита Сергеевич, – начинаю, опять вздыхаю, а потом вдруг говорю, вспомнив слова Соболевского: – Пороть вас всё равно уже поздно, – мужчина давится, закашливается и ошарашенно смотрит на меня. – Да и не любительница я всего этого БДСМ. Так что можете считать, что ваши извинения приняты.

Разворачиваюсь и, сопровождаемая изумлённым взглядом Добрынина, выхожу из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

На губах сама собой расплывается улыбка. Что бы там кто ни говорил, а приятно, чёрт возьми, получить извинения от начальства. В будущем мне это, конечно, может выйти боком, но я решительно отмахиваюсь от этой мысли.

Чувствую завибрировавший в кармане телефон и отвечаю на звонок.

– Привет, Мари!

– Ого, – подруга явно в недоумении, – у тебя что, выходной?

– Нет, я на работе, а что?

– Голос подозрительно довольный. Что, кого-то удачно разрежала и зашила?

– Фу на тебя, дорогая подруга, – смеюсь в трубку, – чего звонишь?

– Консультация нужна, Ань, – смущённо говорит Мари, – у меня тут новости, надо с тобой, как с врачом, посоветоваться. И с хирургом, который меня оперировал.

– Ну так приезжай, мы оба сейчас в больнице.

– Ой, правда? Супер! Тогда я скоро буду!

Подруга и правда приезжает быстро, часа не прошло.

– Ну, рассказывай, – встречаю её в приёмном.

– Ань, – Мари набирает в грудь воздуха, – я беременна!

– Ого! Ну и скорость у вас! – улыбаюсь ей.

– Да-а, – она нервно улыбается в ответ, – вот из-за этого я и переживаю! У меня ведь совсем недавно ранение было, не скажется это на мне никак?

– Пойдём к Никите Сергеевичу, думаю, он тебя успокоит, – тяну её за собой.

– Добрынин? Успокоит? – Мари фыркает. – Да он только наорать сможет.

– Не будет он орать, – качаю головой, улыбаясь.

Ну а что, надо ловить момент, пока начальство чувствует себя виноватым.

– Никита Сергеевич? – стукнув в дверь, заглядываю в кабинет.

Мужчина, стоящий у шкафа, дёргается и роняет папку, которую держал в руках. Куча листов разлетается по полу.

– Нужна ваша консультация, – захожу в кабинет, затягивая с собой подругу. – Давайте, я соберу всё, а Мари у вас спросит.

– Слушаю, – Добрынин нервно поправляет волосы и отходит к столу.

Мари объясняет ситуацию, пока я, наклонившись, подбираю бумаги с пола.

– Ну и вот, Никита Сергеевич, я хотела спросить, может быть, мне нужно как-то поберечься, или какие-то дополнительные исследования пройти?

Я, наконец, выпрямляюсь, складываю собранные документы на край стола и ловлю взгляд мужчины, который он тут же переводит на мою подругу.

– То есть вы хотите дополнительные исследования, – тянет задумчиво. – А для чего?

Мы с Мари переглядываемся, и она повторяет:

– Я беременна.

– Поздравляю, – рассеянно произносит Добрынин, но тут же спохватывается, – ах да, беременны. А... срок?

– Совсем небольшой, – говорит подруга, сжав побелевшие пальцы.

– Не нервничайте, – начинает он, – в вашем состоянии от этого никакой пользы.

Подробно объясняет, что в её случае никаких проблем быть не должно, называет врачей, к которым можно будет обратиться, в общем, дальше всё проходит относительно нормально.

– Спасибо, Никита Сергеевич, вы меня успокоили, – в конце концов с облегчением произносит Мари.

– Ну и отлично, – мужчина опять кидает на меня странный взгляд.

– Я провожу Мари к выходу, – киваю ему.

– Конечно, – он хватает со стола одну из бумажек и начинает старательно в неё вчитываться.

Мы с Мари спускаемся на первый этаж, и она смотрит на меня удивлённо.

– Чего ты с ним сделала? Какой-то он подозрительно тихий, – качает головой.

– Ничего, – пожимаю плечами и улыбаюсь.

– Да-а? А что тогда означает эта улыбка на твоём лице? – хитро говорит подруга.

– Эм-м, – думаю, что бы сказать и вспоминаю: – У меня просто свидание в субботу!

– С Полканом? – Мари хлопает в ладоши. – Ну наконец-то! Повеселись!

– Да уж, – вздыхаю и вспоминаю, что меня грозились вызывать на работу. Интересно, в планах начальства что-нибудь поменялось?

Глава 5

– Аня, я, конечно, и так был в курсе, что ты красавица, но сейчас мне даже неловко дарить тебе цветы – ты их совершенно точно затмеваешь, – Полкан протягивает мне симпатичный букет, явно умело составленный флористами.

– Спасибо, – польщённо улыбаюсь, – заходи, подожди меня минутку, хорошо? Цветы поставлю!

Богатырёв заехал за мной домой уже после середины дня, как мы и договаривались – мне хотелось отоспаться, раньше обедать бы всё равно не стала. Я не спрашивала, какие у него планы на наше длинное свидание, но сейчас, задумавшись, выглядываю из кухни, где набирала в вазу воду.

– Полкан, мы будем много ходить?

– Я надеялся погулять с тобой по центру, но если тебе неудобно, можно...

– Нет-нет, – забегаю в спальню и выхожу обратно в коридор с сумочкой, в которую положила телефон и пару необходимых мелочей, – я тоже хочу погулять, тогда надену удобную обувь.

Из комнаты следом за мной выходит мистер Дарси. Кот, похоже, недоволен, что я куда-то уйду – по его мнению, я должна лежать рядом с вельможным лордом и почёсывать ему за ухом, а вставать только для того, чтобы открыть оче-

редную упаковку паштета. Дарси неодобрительно смотрит своими жёлтыми глазищами на Богатырёва и начинает медленно вылизывать лапу, а Полкан делает шаг назад и вдруг оглушительно чихает.

– Прости, пожалуйста, – он тут же достаёт платок, – у меня аллергия.

– Ой, что же ты сразу не сказал! – я торопливо обуваю мягкие босоножки. – Иди на улицу скорее!

На свежем воздухе мужчине явно становится легче. Я поглядываю на него и не могу сдержаться от лёгкого смешка.

– Что? – он поднимает брови.

– Ты прости меня, ради бога, – я опять прыскаю, – просто с твоим именем иметь аллергию на кошек – это самый настоящий анекдот!

– Смейся-смейся, – он обречённо машет рукой, но тоже улыбается, – родители мне, конечно, добавили проблем. Но, кстати, аллергия у меня и на собак тоже!

Я не выдерживаю и смеюсь в голос. Успокоившись, спрашиваю:

– Они когда-нибудь говорили, почему называли тебя так?

Мужчина беспечно пожимает плечами и ведёт меня к машине не стоянке.

– Маме просто нравилось это имя. Я на самом деле привык. А на работе это иногда даже плюс.

– Почему? – мне и правда любопытно.

– На полицейском жаргоне Полкан – это полковник, – по-

ясняет он, улыбаясь. – До полковника мне ещё далеко, но с подозреваемыми иногда работать проще, они думают, что это кличка.

– Ясно, – тяну, – надо же, какие тонкости.

– Давай не будем сегодня о работе? – мужчина берёт меня за руку, переплетая наши пальцы. – Я очень ждал нашей встречи.

Мне становится неловко, потому что я вижу его искренность, но сама ответить тем же не могу. Впрочем, Полкан не ждёт от меня ответа, а тут же спрашивает о чём-то ещё, и мы болтаем всё время, пока садимся в машину и едем в центр города.

Богатырёв привозит меня в симпатичный ресторанчик, мы не торопясь обедаем, потом гуляем по набережной, выходим на бульвар – несмотря на то, что уже самый конец лета, погода радует тёплыми деньками, и в тени прохаживаться приятно. Солнце уже начинает садиться, когда нам на пути попадается очередное кафе.

– Хочешь посидеть, выпить? – мужчина показывает мне на летнюю веранду. – Я не алкоголь имею в виду, – улыбается, – что-нибудь прохладное.

– Я бы отдохнула, – соглашаюсь, мы устраиваемся на мягких диванчиках, к нам тут же подлетает официант. Заказываю себе коктейль с мятой, Полкан – просто воду со льдом.

– Ты совсем не пьёшь? – интересуюсь у мужчины.

– Я насмотрелся на работе, сколько ужасных вещей про-

исходят по пьянке, — он отводит глаза. — И так-то никогда этого не любил, а последние несколько лет вообще — как отшибло.

Киваю — это можно понять.

— Нелёгкая у тебя работа, — произношу задумчиво.

— Можно подумать, у тебя она легче, — хмыкает мужчина, но тут же меняет тему: — Аня, я давно собираюсь спросить у тебя кое-что...

— Конечно, — отпиваю из своего стакана, глядя поверх него.

Мой спутник, кажется, нервничает, и я напрягаюсь. Ой нет! Неужели он хочет заговорить об отношениях? На такие вопросы я отвечать не готова!

— Ты хотела бы... — начинает Полкан, но тут я вздрагиваю от вибрации мобильного в сумочке, которую положила сбоку от себя.

— Извини, — облегчение, что разговор прервался, сменяется тоской, когда я вижу, кто звонит.

— Не-ет, — тяну со стоном, глядя на экран, — ну пожалуйста, только не это...

Богатырёв расстроено смотрит на меня.

— Дай угадаю, — грустно хмыкает, — с работы?

— Старшая медсестра, — киваю и продолжаю гипнотизировать экран. Вот он гаснет, но спустя секунду опять загорается.

— Отвечай, — мужчина откидывается на спинку, склады-

вает в руках салфетку, делая из квадрата треугольник, всё меньше и меньше, потом бросает её на стол.

– Прости, – говорю тихо и виновато.

– Ань, я бы не относился к тебе так, если бы ты была другой, – он безнадежно пожимает плечами. – Бери трубку. Я не обижаюсь.

– Но мы разговаривали... и ты расстроен, – смотрю на него.

– Что поделаешь, если мне нравится девушка, для которой её дело – на первом месте в жизни, – улыбается, стараясь меня приободрить.

Я криво улыбаюсь в ответ и отвечаю – уже на третий Надин звонок.

– Да, слушаю, – произношу резче, чем хотела.

– Анют, – Надя делает паузу, явно прислушивается к звукам ресторана, которые, видимо, доносятся через динамик, – прости, я бы не стала портить тебе вечер, но...

– Что случилось, Надя? – перебиваю её, не желая слушать извинения. – Раз ты звонишь, значит, и правда что-то случилось.

– Понимаешь, я не знаю, как сказать это по телефону, чтобы не показалось глупостью, – голос у женщины действительно встревоженный, она продолжает тише: – Это касается Добрынина.

Я закатываю глаза. Ну конечно! А кого ещё это может касаться!

– Если ему опять нужно на кого-нибудь поорать, заполнить очередной протокол или журнал – то без меня! – злюсь и не скрываю этого. – Ну сколько можно, в самом-то деле, я...

– Ань, – прерывает меня Надежда, и я слышу в её тоне что-то, что заставляет меня замолчать. – Ты правда здесь нужна. Никто другой не справится. Пожалуйста!

Молчаливый Богатырёв довозит меня до больницы. Конечно, я сказала Наде, что приеду – а когда я отвечала по-другому? Мы оба выходим из машины, и мужчина провожает меня ко входу в приёмный покой.

– Полкан, спасибо тебе за сегодняшний день, – поворачиваюсь к нему, – я правда замечательно провела время! И прости, что так вышло...

– Не извиняйся, – он делает шаг ко мне, аккуратно кладёт руки на талию, – надеюсь, мы снова увидимся в ближайшее время! – тянется и легко целует меня в уголок губ.

– Спасибо, – говорю тихо, глядя на него. Такой хороший, внимательный, заботливый... Ну почему я ничего толком не чувствую?

– Я напишу, – он кивает и подталкивает меня. – Иди! Ты мыслями уже там, я же вижу.

– До встречи, – махнув на прощанье рукой, избегаю по ступенькам и захожу в здание.

Быстро переодеваюсь – благо смена одежды в шкафчике у меня всегда есть, и поднимаюсь на свой этаж. Вечером в

отделении довольно спокойно, видимо, никаких форс-мажоров не происходило. Оглядываюсь по сторонам и, заметив мелькнувшую в конце коридора приземистую фигуру старшей медсестры, торопливо иду к ней.

– Надя, – окликаю её негромко, и та разворачивается ко мне с облегчением на лице.

– Аня, хорошо, что ты так быстро приехала!

– Что случилось? Почему ты вообще здесь, у тебя рабочий день должен был давно закончиться?

– Не могла я уйти, караулю этого... – она взмахом руки указывает на дверь зав отделением.

– Кого караулишь? И зачем? – ничего не понимаю.

– Ань, – Надя вздыхает, – у тебя ключ от кабинета заведующего с собой?

– Да, конечно, – киваю.

Действительно, так получилось, что ещё когда завом был Иван Павлович, мне сделали дубликат, а замки с приходом Добрынина никто поменять не удосужился.

– Тогда, ты уж прости, я тебя отправляю в клетку с тигром!

– Да объясни ты толком, Надя, в чём дело? – мне уже надоело эти танцы с бубнами.

– Понимаешь, я сама не знаю, что произошло. Сегодня всё было спокойно, никаких экстренных случаев. Но Добрынин весь день на всех срывался.

– И ты меня хочешь этим удивить? – смотрю на неё скеп-

тически.

– Ань, он заперся у себя в кабинете, и у меня подозрение, что пьёт там, – шёпотом произносит медсестра.

– Здравсьте, приехали, – говорю растерянно. – А я что, передвижной вытрезвитель? Да и вообще, ну, выпьет, с кем не бывает. Проспится – протрезвеет!

Надя смотрит на меня с удивлением.

– Ты что, не знаешь? Он же непьющий, совсем! Вся больница в курсе, как же, такой уникам: чтоб хирург – и ни капли в рот не брал.

– Ещё один трезвенник на мою голову, – бурчу недовольно и вздыхаю. – Ну ладно, а меня-то ты зачем позвала?

– Анют, – Надя смотрит на меня с жалостью, – во-первых, надо хотя бы проверить, как он там – у него завтра с утра плановая операция, что-то надо тогда решать с пациентом. А во-вторых, если он и правда пьян, то никому, кроме нас с тобой, об этом знать не нужно.

– Репутацию ему спасаешь, гаду? – злюсь, но понимаю, что она права. На пустом месте эта ситуация возникнуть не могла, так что начальство надо прикрыть – нам же в итоге нагорит, если вдруг что. – Чего сама не проверила, что с ним?

– Я скреблась к нему, он меня на три буквы отправил, – Надя разводит руками, а я раздражённо притопываю ногой. – Ключа нет. Да и всё равно он никого, кроме тебя, к себе не подпустит.

– Да с чего ты взяла?! – мне хочется рычать от бессилия.

– Ох, милая, – Надя вдруг гладит меня по плечу, – просто поверь, ладно?

Раздражённо выдыхаю и, развернувшись на пятках, смотрю в конец коридора.

– Ладно, – наконец, решаюсь, – пошла я. Очень надеюсь, что ты ошибаешься, и он просто устал и заснул. Даже соглашусь на очередную порцию воплей, что ему ни минуты покоя не дают.

Подхожу к двери, достаю свой ключ, аккуратно открываю и заглядываю внутрь. В первое мгновение недоумённо нахмуриваюсь – мне кажется, что кабинет пуст. Прохожу внутрь и вздрагиваю от неожиданного стука стакана о поверхность.

– В-вот, значит, кт-то в отделении самый см-мелый, – звучит сбоку, и, повернувшись, я вижу главного хирурга, сидящего на полу, в углу за шкафом.

– Никита Сергеевич, – осторожно подхожу ближе, – что случилось?

Мужчина смотрит на меня, и по блуждающему взгляду я понимаю, что он ничего не соображает – пьян в дымину. Рядом на две трети пустая бутылка коньяка, стакан. Если у него нет привычки пить, то этой дозы на пустой желудок вполне хватит, чтобы унесло конкретно.

– По-моему, вам пора остановиться, – наклоняюсь, забираю стакан и бутылку, отношу их в шкаф – где у Ивана Павловича были запасы «подарочного» спиртного, я знаю. Доб-

рынин никак не возражает, только следит за мной глазами – я возвращаюсь обратно, протягиваю ему руки.

– Не сидите на полу, давайте я помогу вам встать.

Он откидывает голову на стену, смотрит на меня, прищурив глаза.

– Знаете, почему они все вас так любят? – произносит вдруг заплетающимся языком.

– Кто – все? – спрашиваю мягко.

– Все, – он машет рукой. – Вас даже пациенты зовут Аннуш-ка, – старательно выговаривает имя, и мне на секунду становится смешно.

– Никита Сергеевич... – начинаю говорить, но он меня не слушает.

– Потому что вы искренни в своём желании помочь, – говорит с закрытыми глазами, – даже если помогать нужно напившемуся в хлам начальнику, который последние полгода треплет вам нервы. Вы со всеми разговариваете ласково... но не со мной... А я с-сам виноват...

Решаю не обращать внимания на то, что он несёт, и, подойдя ближе, тянусь к нему, собираясь помочь.

– Никита Сергеевич, давайте вы всё-таки переместитесь на диван.

Но мужчина вдруг хватает меня за плечи и дёргает – я не успеваю и слова сказать, как оказываюсь у него на коленях, зажатая в тисках крепких рук.

– Что вы...

– Чш-ш, – он прикладывает мне палец к губам.

Глава 6

Добрынин не отнимает пальца от моих губ, потом ведёт вниз по щеке, шее, и я чувствую, как следом за прикосновением по коже разбегаются морозные иголки. Поднимает вторую руку, которой только что держал меня, и повторяет тот же путь с другой стороны лица, запускает пальцы в волосы, которые я наспех собрала в пучок с помощью пары шпилек, нашедшихся в шкафу в раздевалке. Естественно, такой напор тонкие железки выдержать не могут, волосы рассыпаются по плечам, и мужчина, подавшись вперёд, утыкается в волнистые пряди.

Почему я молчу? Почему ничего не делаю? Давно могла бы вырваться, встать, уйти – он ведь плохо соображает, не сможет меня удержать... Но все эти мысли, пронёсшиеся в голове, разлетаются, как только Добрынин, подняв голову, мягко прикасается ко уголку моих губ своими.

Меня только что так же поцеловал Полкан. Так же? Нет – сейчас мне как будто не хватает воздуха, а мужчина ведёт своими губами по моим, даже не целуя, а слегка поглаживая. Кто бы мог подумать, что он может быть так нежен? Очерчивает пальцами скулы, подбородок, чуть углубляет поцелуй, но не напирает – как будто снимает пробу. И я вдруг понимаю, что мои руки уже у него на плечах, а его – спускаются

ниже, задевая грудь, поглаживая рёбра и талию.

За дверью вдруг раздаётся резкий металлический грохот, а потом тихий мат медбрата Саши – похоже, уронил что-то, то ли бикс, то ли ещё что-нибудь. Но на меня звук действует, как ледяной душ – я моментально слетаю с коленей Добрынина и быстро подскакиваю к выходу. Прислушиваюсь и различаю удаляющийся топот ног – под дверью точно никто не стоит. Оборачиваюсь на начальника – тот продолжает сидеть на полу, глаза закрыты. Ругая себя на чём свет стоит, подхожу поближе, но так, чтобы он не мог до меня дотянуться.

Мужчина, видимо, реагирует на мои шаги и открывает глаза.

– Вы? – произносит с трудом.

– Я, – киваю.

Завозившись на полу, пытается встать, и я подхватываю его под руку, подставляя своё плечо, с грехом пополам довожу до дивана, куда и усаживаю. Похоже, силы у этого незадачливого пьяницы кончились.

– Никита Сергеевич, что всё-таки случилось, можете сказать?

– Пр-зд-дновал... – он горько ухмыляется.

– Да уж, – тяну тихо, – отпраздновали вы знатно... Что хоть?

– День рждения...

– У вас что, день рождения сегодня? – охаю в ужасе.

– Да не у меня... – он машет рукой и зевает.

– А у кого?

На этот вопрос ответа я уже не получаю. Мда.

Тихо выхожу, прикрыв за собой дверь. Подумав, запираю её снаружи своим ключом и иду искать свободную подушку и одеяло. Надо укрыть его и окно открыть – мало того, что в кабинете коньяком несёт, так ещё и проснётся завтра в духоте с больной головой. Хотя, хмыкая про себя, больная голова ему и так обеспечена!

– Ань, ну что там? – Надя выныривает из коридорчика, где находится её кабинет, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Ох, что ж ты высказываешь, напугала, – вздыхаю. – Что-то... Спит он.

– Просто спит? – Надя удивлённо оборачивается на дверь, которую я только что закрыла.

– Нет, не просто, а под естественным наркозом, – фыркаю. – Надь, мне нужна подушка, одеяло и средство от похмелья. Надя тихо смеётся.

– Сейчас всё найду, подожди.

– Надюш, а у кого-нибудь в отделении сегодня день рождения был? – спрашиваю вдруг.

– Нет вроде, – старшая медсестра с удивлением пожимает плечами. – А зачем тебе?

– Сама не знаю, – бурчу себе под нос и, махнув ей рукой, отправляюсь в ординаторскую.

Спустя пять минут Надя притаскивает мне одеяло с подушкой и пару таблеток в блистере.

– На вот, держи. И воды побольше!

– Да уж знаю, – киваю ей. – Спасибо, Надюш, иди уже домой. Кто сегодня дежурным?

– Ираида, – фыркает Надя.

– А-а, вот чего так тихо, – хмыкаю, – и давно она уже спит?

– Как на дежурство заступила, по расписанию.

– Ну и хрен с ней, пусть дрыхнет, – подхватываю свёрнутое постельное, – я сама уже точно никуда не уйду. И вот что, Надя... – задумываюсь, – завтра плановая у Шевренкова, а его хирург, – хмыкаю, – будет в состоянии нестояния. У пациента аллергии ни на что нет?

– Нет, – Надя хмурится.

– Не может быть, – говорю медленно и многозначительно, – у него совершенно точно на что-то аллергия! И пока мы не выясним, на что, операцию проводить нельзя!

– Ах, да-да-да, я вспомнила, он вчера жаловался на какой-то зуд! Точнее, не он, но медсестра перепутала, вот ведь дурочки, а с другой стороны, что с них взять, по две на весь этаж, – понимающе тянет Надя.

– Вот-вот, – киваю удовлетворённо. – Так что нам придётся перенести операцию до выяснения всех обстоятельств.

Старшая медсестра кивает, и мы с ней обмениваемся понимающими взглядами.

– Давай, иди уже, ухаживай за начальством, – ехидно говорит Надя.

– Надежда! – произношу с угрозой.

– Да ладно, что ты, не знаешь меня? Мы с тобой этим вдвоём теперь повязаны, так что я могила.

– Втроём мы повязаны, – шепчу недовольно, подходя к кабинету, – третьим будет вон... алкоголик недоделанный!

Захожу в кабинет, тщательно заперев за собой дверь, складываю на стол подушку с одеялом, открываю нараспашку окно и оборачиваюсь к мужчине, лежащему на диване.

Красив, зараза... Даже в несознанке. Особенно в несознанке – никаких нахмуренных бровей, никакого кислого выражения лица. Вздохнув, подхожу с подушкой, аккуратно втискиваю её сбоку за головой, чтоб хоть о подлокотник не ударился, потом расправляю одеяло, накидываю сверху до пояса.

Вот могла бы сообразить, что нужно быть поосторожнее, меня ведь уже облапали сегодня... Но, видимо, такие идиотки, как я, на ошибках не учатся – Добрынин вдруг открывает глаза и во второй раз за сегодняшний вечер дёргает меня на себя! Только вот теперь он лежит, так что я распластываюсь сверху. Убирает мне прядь волос за ухо.

– Красивая... Жалко, что только снишься... снись почаще, а? – касается губами виска, вздыхает, крепко прижимает меня к себе, и я замираю, не решаясь пошевелиться.

Но, похоже, это была финальная лебединая песня – мужчина вырубается окончательно. Тихо и глубоко дышит, постепенно расслабляя хватку. Только спустя десяток минут – а по моим ощущениям, целую вечность – я осторожно, по

миллиметру, начинаю выпутываться из объятий и, наконец, аккуратно скатившись с мужского тела, почти падаю на пол.

Покачив головой, приношу графин с водой и чистый стакан, ставлю всё на стол, рядом кладу таблетки и, последний раз оглянувшись на спящего Добрынина, тихо закрываю за собой дверь.

Спустя несколько часов, сидя в ординаторской и наблюдая в окно разгорающийся рассвет, вдруг понимаю, что поглаживаю губы кончиком пальца. Зло фыркнув сама на себя, очень «логично» решаю пойти и проверить, как там себя чувствует начальство.

На моё явление на пороге кабинета Добрынин реагирует тоскливым стоном. Он сидит на диване, сжимая виски ладонями – видимо, когда я зашла, решил скосить на меня глаза, за что и поплатился резкой головной болью.

– Закройте глаза и не пытайтесь следить ими за двигающимися предметами, – говорю тихо, тщательно контролируя голос, и прохожу внутрь.

Наливаю воду, вскрываю таблетки и сую их в руку мужчине, в другую вкладываю стакан.

– И не делайте резких движений, – предупреждаю, с трудом сдерживая прорывающееся ехидство. – Медленно и печально...

На меня бросают взгляд, который мог бы убить, если бы не был таким... страдальческим.

Отхожу к столу и прислоняюсь к нему бедром, наблюдая

за мужчиной. Тот, осушив стакан с водой, сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку дивана. Наконец, прикрывшись рукой от солнечного света из окна и морщась, поворачивается в мою сторону. «Интересно, он хоть что-нибудь помнит?» – пронзает меня несвоевременная мысль. И если в его голове сохранились обрывки воспоминаний – то какие?

– Мне... есть за что извиняться? – слышу тихий хриплый голос.

О, я могла бы выкатить список из как минимум сотни пунктов в ответ на этот вопрос. Вздыхаю украдкой.

– Смотря что вы имеете в виду, Никита Сергеевич, – смотрю на мужчину внимательно, он сглатывает.

– Я... надеюсь... не сделал ничего, что... – замолкает и пытается собраться с мыслями.

«Да ничего ты не сделал, всего лишь поцеловал меня так, как ни один мужчина до тебя», – тряхнув головой, заталкиваю это воспоминание подальше.

– Или... сделал?! – он смотрит на меня с ужасом, видимо, приняв мои движения за подтверждение каким-то своим мыслям.

– Спокойно, – складываю руки на груди, так и хочется сказать: «Спокойствие, только спокойствие», – всё было в рамках нормы. В целом.

– Чьей нормы? – похоже, я его не успокоила.

– Человеческой, – пожимаю плечами. – Вам лучше?

– В целом? – спрашивает сварливо. – Или по частям? –

опять тихо стонет, раздражённо трёт виски.

– Раз способны огрызаться, значит, уже лучше, – киваю и направляюсь к выходу.

– Операция! У меня же сегодня плановая... – этот идиот резко встаёт и тут же, покачнувшись, теряет равновесие. Я подсакиваю ближе, поддерживая его за талию и подставляя плечо.

Добрынин смотрит на меня сверху вниз и обречённо зажимушивается.

– Вы... вчера помогли мне перебраться на диван, – утверждает, не спрашивает.

Что, стыдно смотреть в глаза? Так тебе и надо!

– Что ещё вспомнили? – спрашиваю, помогая ему сесть обратно.

– Больше ничего.

И слава богу!

– Не переживайте, плановая операция Шевренкова перенесена, у него проявилась аллергическая реакция неясной этиологии.

– Откуда?

– Оттуда, – фыркаю и всё-таки иду на выход.

– Анна Николаевна... – догоняет меня голос в дверях.

Оборачиваюсь к начальству.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – отвечаю спокойно, но тут же кое-что вспоминаю и, колебавшись, решаю спросить: – Никита

Сергеевич, у кого вчера был день рождения?

На мгновение замечаю в глазах мужчины всплеск самой настоящей паники.

– Почему вы спрашиваете? – он отводит взгляд, но я вижу, как заостенели в напряжении его плечи, и решаю сдать назад. В конце концов, это не моё дело.

– Вы говорили о дне рождения кого-то из сотрудников, наверное, я неправильно поняла, – вру, не моргнув и глазом, – не переживайте.

Выйдя из кабинета, тут же нарываюсь на Ираиду Сергеевну – необъятных размеров ординатора, счастливо проспавшую всю ночь – впрочем, как и всегда.

– Аннушка, вы же были выходная, – подозрительно смотрит на меня женщина.

– Меня вызвали к моему пациенту.

Ага, в вытрезвителе подработать.

– А-а, – тянет Ираиду, оглядывается на кабинет Добрынина, потом опять на меня. – Никита Сергеевич на месте? Так рано?

– У него плановая должна была быть с утра, но отменилась, – пожимаю плечами.

– Вы как всегда в курсе, – глаза Ираиды Сергеевны насмешливо поблёскивают.

Мысленно чертыхаюсь, прямо слыша, как крутятся шестерёнки в её голове – не хватало мне слухов, что я грею постель начальству. С другой стороны... у нас всё равно все

сплетничают про всех. В одном крыле больницы чихнёшь, из другого «будь здоров» кричат.

Устало собираюсь и еду домой – вчера меня привёз Полкан, так что добираться приходится на общественном транспорте. В квартире меня встречают соскучившийся мистер Дарси и пустой холодильник. Плюю на всё и заказываю пиццу – должна я хоть как-то расслабиться! Весь оставшийся день мы с котом проводим в обнимку на диване, смотрим старые английские фильмы. Вот только нет-нет, да и ловлю себя на том, что тянусь к лицу, вспоминая ощущения мужских губ на моих.

Неделя проходит в рабочей суете. Добрынин притих, говорит значительно меньше гадостей, голос почти не повышает – идеальное начальство. Вот только мы с ним оба затеем какие-то странные «переглядки». Время от времени я исподтишка его рассматриваю и замечаю на себе ответные задумчивые взгляды. Но всё равно стараюсь не пересекаться с ним больше, чем это нужно по работе. Нет уж! Не надо мне этих странных мыслей, ощущений и прочего.

– Анна Николаевна, – в очередное моё дежурство меня ловит Марго, заведующая гинекологическим отделением, об отношениях которой с Добрыниным мне сплетничала Марина.

– Да, Маргарита Владимировна? – как-то никогда я симпатии к этой женщине не испытывала, а теперь она мне со-

всем не нравится.

– Я хотела с вами переговорить, – она улыбается мне, стараясь казаться дружелюбной, но тон всё равно немного высокомерный.

– Конечно, – отвечаю спокойно. – О чём?

– Пойдёмте пообедаем? Этот разговор не для лишних ушей.

Мы с ней приходим в столовую с другой стороны больницы – она поприличнее, и народу там поменьше.

– Анна Николаевна, я вижу, вы с Никитой Сергеевичем нашли контакт? – начинает разговор Маргарита.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю, – говорю осторожно. – Никита Сергеевич зав отделением, я старший ординатор, его подчинённая. Мы работаем в постоянной связке, о каком контакте может идти речь?

Зав гинекологией смотрит на меня, прищурившись, но я отвечаю ей честным взглядом распахнутых глаз. Под дурочку косить не собираюсь, но и давать очередной повод для сплетен... нет уж!

– Мы с Ником сто лет знакомы, – вдруг начинает рассказывать она. – Ещё в первом меде вместе учились.

Киваю и крошу булочку, которую взяла к супу. Аппетита нет, но всё-таки отправляю в рот пару ложек – до конца рабочего дня ещё далеко.

– Он уже тогда был ловеласом, – усмехается Марго, наблюдая за мной, – а когда перешли в интернатуру, вообще

как с цепи сорвался.

Я сейчас очень хочу спросить, зачем она мне всё это выкладывает, но молчу. Иногда лучше дать собеседнику высказаться.

– Бедная его жена... – тянет моя собеседница, и тут у меня сдержаться не получается.

– Не знала, что он женат.

– Был, – Маргарита пожимает плечами. – Нехорошая очень история, я толком не знаю, что произошло – они к тому времени за границу уехали. Несколько лет он там поработал, а потом бросил всё и сюда вернулся. А семья там осталась.

– Семья? – у меня сегодня день открытий.

– Да, у них вроде ребёнок есть, хотя я толком не уверена... не буду врать, что-то мутное между ними произошло. Но, зная Ника, подозреваю, что он просто в очередной раз не удержал прибор в штанах, вот и разошлись.

Мне становится не по себе. Не то чтобы я сходу поверила этой прожжённой... кхм... Маргарите, но дыр в её истории полно, и ясно, что... ничего не ясно. Пока продолжаю в задумчивости сидеть над тарелкой остывшего супа, Марго тянется ко мне и хлопает по руке. С трудом сдерживаюсь, чтобы не отдёргнуть конечность подальше от цепких лапок.

– Я просто хотела вас предупредить, Анна Николаевна. У вас прекрасные перспективы, вы ответственный человек – не тратьте зря время на такого, как Добрынин. Понимаю, он

шикарный самец, но...

– Маргарита Владимировна, – перебиваю её, потому что не в силах слушать пропитанные лицемерным сочувствием фразочки, – вас, видимо, ввели в заблуждение какие-то слухи. Я уважаю Никиту Сергеевича как профессионала высочайшего уровня – и всё.

Смотрю на женщину, сделав каменное лицо. Хоть за это могу поблагодарить своего начальника – благодаря ему научилась не показывать эмоции.

Мы какое-то время молчим. Я не оправдываюсь и не убеждаю Маргариту в своём равнодушии – чем больше пытаешься доказать что-то, тем меньше тебе будут верить. И, похоже, моя тактика работает – врач напротив меня расслабляется и улыбается.

– Приятно поговорить с умным человеком, Анна Николаевна.

Киваю и слегка улыбаюсь ей в ответ.

– И мне было приятно. Вы меня извините, Маргарита Владимировна, я побегу – дел неуворот!

– Конечно!

Пока иду в отделение, чувствую себя, как будто в грязь окунулась. Даже помыться хочется. Что бы там ни произошло у Добрынина с женой и ребёнком, если они вообще были, это его личное дело! Маргарита, по-моему, ни о чём толком и не знает, а пересказывает какие-то слухи – не удивлюсь, если всё перевернуто так, что концов не найти.

Задумавшись, дохожу до ординаторской, и меня чуть не сшибают дверью. Наружу вываливается анестезиолог с выпученными глазами.

– Володь, что случилось? – хмурюсь, но мужчина мотает головой и взрывается сдавленным хохотом.

– Сама увидишь... – Вовка, похрюкивая от еле сдерживаемого смеха, машет мне рукой и быстро уходит.

Пожав плечами, захожу внутрь и чуть не роняю на пол челюсть.

У небольшого зеркала стоит Верочка, но в каком виде!..

– Кхм... Вера... – зову девушку, – а что случилось с твоей формой?

– А что с ней? – медсестра заканчивает прихорашиваться и разворачивается ко мне.

– Вер, у нас тут больница, а не сексшоп! – резко говорю этой, прости господи, идиотке. – Ты что, решила в ролевые игры поиграть?! Тебя же уволят!

На Верочке надето... ещё чуть поглубже вырез и покороче халат – и в отделении уже можно будет снимать порнушку!

– Не говорите ерунды, Аннушка Николаевна, – девушка фыркает. – Подумаешь, немного форму укоротила!

– Вера, тебе проблемы нужны? – говорю, еле сдерживаясь. – Переоденься, пока тебя Никита Сергеевич не увидел!

– Вот ещё! Я, можно сказать, для него и стараюсь! – на лице Веры появляется довольная улыбка.

– Ах вот оно что, – тяну многозначительно.

– Да, – горделиво подтверждает Верочка. – Ну, я пошла.

– Иди-иди, – качаю головой, когда девица походкой от бедра выпархивает из кабинета.

Вот интересно, это подтверждение слов Маргариты о кобелиной натуре нашего начальника, или просто Вера решила перейти к активным действиям, а на самом деле у Добрынина с ней пока ничего нет? Что-то мне подсказывает, что второе. Задумчиво сажусь за стол. Как бы ни бесил меня зав отделением последние полгода, я не могу не признать, что ничего по-настоящему плохого за ним не замечала. Да, орёт, да, придирается, иногда по делу, иногда нет... Но вот слухов, что он с кем-то переспал, а потом бросил... не было такого.

Единственный слух, который я слышала лично, мне пересказала Марина – и был он как раз о Марго. Ну и что, верить ей после этого? Три ха-ха четыре раза. Бегу и падаю.

– Аннушка, – в ординаторскую заглядывает Володя, – Надю не видела? Она мне должна была «аптечку» пополнить, а меня на другой этаж вызывают.

– Нет, а в кабинете нет её?

– Не знаю, времени не было забежать. Не в службу, а в дружбу, глянь, а? Я быстренько вниз смотаюсь и вернусь! – Вовка делает просительное лицо.

– Ладно, беги, – встаю и иду на поиски старшей медсестры.

Стучусь в кабинет в закутке, но там тишина. Где она мо-

жет быть? Вспоминаю вдруг, что кто-то из среднего персонала сегодня жаловался на отсутствие чего-то в крошечной санитарной комнате и решаю заглянуть туда. По пути вижу решительно настроенную Веру, которая целеустремлённо топает в сторону начальственного кабинета. Так и хочется узнать, чем закончится randevу уверенной в своей неотразимости девицы – нужное мне помещение как раз рядом, но решаю не валять дурака, тем более что дверь приоткрыта.

– Надюш, ты тут? – захожу в тёмную каморку и тут же чувствую, как мне зажимают рот.

– Тихо! – шипит знакомый голос.

Глава 7

Мужчина обхватывает второй рукой мою талию, и меня на секунду пронзает дрожь.

– Анна Николаевна, я вас сейчас отпущу, только, пожалуйста, тише, – повторяет почти беззвучно Добрынин мне на ухо и отнимает руку от моего рта, но к себе прижимает ещё сильнее.

– Никита Сергеевич, что за детский сад?! – шепчу недовольно прямо в лицо мужчине.

Мало того, что места тут нет, мы стоим вплотную друг к другу, так ещё и темно, ничего не видно.

– Вы в детстве в прятки не наигрались? – отпихиваю мужские руки, которые спустились на талию – да так на ней и остаются.

– Я сейчас вам опять рот зажму, – с угрозой произносит он.

– У вас же руки заняты, – говорю ехидно, устав отдирать от себя наглые конечности.

– Да уж найду чем, – с намёком говорит этот... гад, глядя на мои губы.

Мы продолжаем шептаться, и хорошо, что в темноте не видно, как покраснели мои щёки. Хотя глаза уже привыкают, поэтому я с трудом, но различаю черты лица моего на-

чальника.

– Вы что здесь забыли? – смотрю внимательно и успеваю заметить гримасу неловкости и раздражения.

– Я бы тоже хотел спросить вас, почему у нас в отделении разгуливают медсёстры прямиком со съёмок порнофильма? – похоже, он решил, что лучшая защита – это нападение.

– А вы в этом деле специалист или активный зритель? Думала, вам ролевушек и на работе хватает! – не могу удержаться, чтобы не поддеть мужчину, который, похоже, тоже краснеет – в темноте толком не видно.

– Ан-н-на Николаевна!

Вот уж не думала, что в моём имени столько шипящих звуков.

– Ладно, извините, – говорю примиряюще, – но я ничего не смогла сделать – не потащу же я её насильно переодеться! И Надя ещё куда-то запропастилась, она бы ей мозги промыла.

Задумываюсь на секунду, а потом соображаю очевидное:

– Хотя вообще-то, вы сами почему здесь прячетесь вместо того, чтобы пойти и нарычать на всех как следует по своему обыкновению? Что, так сложно рывкнуть, чтобы она привела себя в порядок?

На меня кидают странный взгляд.

– Я что, такой жуткий? – голос тоже странный.

– Ну что вы, конечно нет, вы очень милый, – масло в моём голосе можно на хлеб мазать, но тут же возвращается яз-

вительность. – Особенно когда даже кровати в отделении от ваших воплей трясутся. Так вы не ответили на мой вопрос – в чём проблема сейчас?

– Сейчас я сам стал объектом... э-э... повышенного внимания.

– И что, вы боитесь, что Верочка вас изнасилует? – не могу сдержать насмешку.

Никита Сергеевич тяжело и как-то устало вздыхает.

– Она очень молоденькая, я не хочу... обижать её.

Господи ты боже мой! С какой стати в нём вдруг проснулся джентльмен? А мужчина продолжает:

– Одно дело – замечания по работе, другое – когда нужно... ну, вы понимаете...

– Честно говоря, нет, не понимаю, – отвечаю ему. – Какая может быть трудность в том, чтобы вежливо и твёрдо сообщить человеку, что в хирургическом отделении надо работать, а не задом сверкать?

– Но... – Добрынин озадаченно замолкает.

Странное отношение к ситуации. Так боится задеть женщину намёком на неподобающий внешний вид? На меня, значит, орать можно – по работе – а Вере сказать, что её одежда не соответствует рабочему дресс-коду – тут он обижать её не хочет.

Пока я размышляю и злюсь на непонятные начальственные двойные стандарты, упускаю момент, когда ко мне вдруг прижимаются теснее. Не успеваю спросить, какого чёрта, как

слышу:

– Вы что, не знаете, что врачу в стационаре нельзя пользоваться духами?

Удивительно, даже шёпотом он ухитряется препираться.

– Я не использую духи, – отвечаю так же тихо.

– Как это не используете? Тогда откуда этот запах?

Я чувствую, как сжимаются продолжающие лежать на талии руки, мужчина, качнувшись вперёд, склоняется ко мне и глубоко вбирает носом воздух, почти уткнувшись в шею под мочкой уха. По коже вдруг бегут мурашки, я чуть не ахаю, непроизвольно запрокидываю голову, но тут же дёргаюсь, пытаюсь отстраниться.

– Никита... Сергеевич, осторожнее с конечностями, пока их вам чем-нибудь не прищемило! – шепчу язвительно.

– Это и правда не духи? – вдруг произносит он сипло.

– Смысл мне вам врать?

– Не знаю... – говорит тихо и опять склоняется к моей шее.

– Вы что делаете? – чуть не вскрикиваю от неожиданности, когда чувствую мягкое прикосновение.

– Тш-ш, тихо, пожалуйста, Анна Николаевна, – звучит хрипло, но спокойно.

– Никита Сергеевич, вы меня ни с кем не попутали? – язвлю дрожащим голосом, потому что он уже поглаживает мою талию в том месте, где она начинает переходить в... хм... выпуклости! А носом и губами зарывается в волосы за ухом,

и такое простое движение простреливает меня от затылка к копчику, в конце концов собираясь внизу живота, налившегося тяжестью.

Бедром я чувствую, как в меня упирается кое-что твёрдое, и это только подстёгивает собственное возбуждение. Чёрт подери, что я делаю?.. Что мы делаем?.. Надо бежать отсюда, подальше от...

– Никита Сергеевич... – начинаю, с трудом унимая дрожь, но тут мы оба замираем, потому что слышим приближающиеся к двери шаги.

– Ну и где он? – совсем близко раздаётся ворчливый голос Веры.

Я зажмуриваюсь. Если она сюда зайдёт... отделению будет что обсуждать ближайшие полгода.

– Вер, ты чего здесь забыла? – голос Марины, ещё одной медсестры.

– Никиту Сергеевича жду, он сказал к нему подойти!

– Враньё, – тихий выдох мне в ухо, от которого волоски на коже становятся дыбом.

Мы прижимаемся друг к другу так близко, что я могу чувствовать тяжёлое дыхание мужчины, как и он – моё.

Возбуждение постепенно, хоть и медленно, спадает – всё-таки я не эксгибиционистка, чтобы с нетерпением ждать, когда нас застукают. Да и вообще, это просто у меня давно никого не было! Задумываюсь, а когда вообще был мой последний раз? Параллельно пытаюсь отстраниться от Добрынина,

чтобы хотя бы не чувствовать бугор в его брюках, который меня... ну, не то чтобы смущает, но не даёт нормально думать. Похоже, он тоже не помнит, когда у него был последний раз, иначе бы не заводился так легко.

Вера, судя по всему, продолжает прохаживаться по коридору, шаги то удаляются, то приближаются.

– Она неплохая медсестра, да и вообще хорошая девочка, – говорю, просто чтобы отвлечься и что-то сказать.

– Дура душой, – цедит Добрынин, и я с трудом сдерживаю смехок.

– Да, согласна, дура душой, но очень хорошая и симпатичная. Из таких получают прекрасные жёны – она будет смотреть вам в рот, воспитывать ваших детей и обслуживать вас по первому разряду.

– Меня? – зав, сдвинув брови, шепчет что-то непечатное.

– Может и вас, если захотите, – пожимаю плечами, перенося вес с одной ноги на другую – чем дальше, тем больше усиливается неудобство.

– Нет уж, спасибо, – сдержанно хмыкает он. – Открою вам секрет, Анна Николаевна, мужчины предпочитают женщин, интересы которых выходят за рамки покупки нового платья и запиливания очередного селфи в соцсетях.

– Чушь, – говорю резко. – Не надо мне тут втирать про прекрасный внутренний мир и прочую ерунду. На красотку с четвёртым размером и ногами от ушей поведётся значительно больше мужчин, чем на страшилку с учёной степенью.

– Процент идиотов среди людей примерно одинаков вне зависимости от пола, – пожимает плечами Добрынин. – Они могут спариваться, как хотят. Я говорил о тех мужчинах, у кого есть мозги в черепной коробке.

– Господи, ну вы как про приматов лекцию читаете. «Спариваться», скажете тоже... – морщусь.

– Мне синоним подобрать? – бровь взлетает вверх.

– Не надо, – знаю я эти синонимы. – Долго мне ещё тут селёдку в бочке изображать? – вожусь рядом с ним, пытаюсь отвоевать себе хоть немного личного пространства.

– Пока та селёдка, – он машет головой в сторону выхода, – оттуда не выметется.

Не могу сдержать лёгкий смешок и зависаю, глядя на появившуюся на лице Добрынина улыбку. Она прямо у меня перед глазами, и я вдруг понимаю, что не помню, чтобы видела главного хирурга улыбающимся или смеющимся.

– Я и не знала, что вам так идёт улыбка, – говорю вдруг. – Полгода с вами проработала, а не подозревала, что она может так вас менять.

Мужчина, смущённо кашлянув, наконец, убирает от меня руки и прячет их за спину.

– Ну, не такое уж я чудовище, – бурчит себе под нос.

– Никогда не считала вас чудовищем, – произношу рассеянно, прислушиваясь к шагам за дверью. – Требовательным, придиричивым, строгим... талантливым, – добавляю, следуя за своими мыслями и не думая, что говорю, но тут же за-

пинаюсь, переведа взгляд на растеряннo глядящего на меня Добрынина. – Извините!

– За что? – тихо произносит он.

Тут я, наконец, слышу то, чего ждала – поднимаю палец, чуть не касаясь губ мужчины, и обращаюсь в слух.

– Вера! – раздаётся Надин голос. – Ты совсем очумела?! Или сказать честно – охренела?! А ну, немедленно пошла отсюда – в биксе возьмишь халат, и чтобы костюм вниз надела – штаны и рубашку, поняла меня?

– Надежда Константиновна... – начинает Вера, но Надю так просто с пути не свернёшь.

– Вера, – от этого её тона я поёживаюсь, – не испытывай моё терпение. Ты хочешь проблем? Я их тебе организую в таком масштабе, что проклянёшь тот день, когда сюда явилась работать! Вперёд! Быстро!

От последнего рывка мы с моим «сокамерником» вздрагиваем вместе. Мужчина ехидно шепчет мне на ухо:

– А вы говорите, я ору...

– Назад! – шиплю ему, потому что догадалась, что произойдёт следом.

– Что? – он недоумённо хмурится.

– Назад, я сказала! – повернувшись, со всей силы пихаю его в грудь, так что он чуть не теряет равновесие, вцепившись в металлический стеллаж, и на него сверху падает пара рулонов туалетной бумаги.

– Ну вот видите, Никита Сергеевич, – произношу громко,

чувствуя, как за спиной открывается дверь, — а вы говорите, ничего страшного, что лампочка перегорела, можно и подождать. А как тут санитарка справится в темноте?

Свет загорается, и я, повернувшись, удивлённо вскрикиваю.

— Неужели работает?

На меня с двух сторон, раскрыв рты, смотрят зав отделением и старшая медсестра.

— А чего это вы тут делаете? — Надя, похоже, так растерялась, что задаёт самый дурацкий вопрос, какой только можно.

— Надежда Константиновна, что за проблемы с электричеством у нас здесь? — Добрынин сориентировался моментально и тут же проходит к выходу. — Вызовите электрика!

Начальство быстро сваливает, а Надя, проследив за ним взглядом, прищурившись, смотрит на меня.

— Лучше не спрашивай, — устало выдыхаю, предупреждая все её вопросы.

— Даже и не собиралась, — она пожимает плечами и отходит в сторону, пропуская меня. — Но ты будь осторожна. Я-то ладно, но сама знаешь, как у нас слухи распространяются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.